

Геннадий Разумов
Космический маяк

СОДЕРЖАНИЕ

[КОСМИЧЕСКИЙ МАЯК](#)

[МЫ ПРИДЕМ СЮДА СНОВА](#)

[СТАРОЕ ФОТО](#)

[ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР](#)

[ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА](#)

[ГЛОБОС](#)

[МУРАВЬИ](#)

[СМЕРТЬ ШАХИДА](#)

[ПИСЬМО С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ](#)

АННОТАЦИЯ

Вы идете по дороге и даже не подозреваете, что совсем рядом, в двух шагах от вас, кипит другая невидимая жизнь. Ее не обнаруживают никакие самые точные приборы. Она существует в ином измерении, ином масштабе времени. Это тот таинственный параллельный мир, в который, возможно, переходит каждый из нас после своей смерти.

Вот на обочине лежит камень. Ему миллионы лет. На него ступали копыта двурогого шерстистого носорога и широкопалая ступня архантропа, нашего далекого предка. Поверхность камня усыпана какими-то загадочными знаками. Не отпечаток ли это ноги пришельца из Космоса?

А вон другой камень, тоже не простой булыжник. Может быть, это осколок метеорита — космического маяка, указывавшего путь звездолетам других планет.

Обо всем этом рассказано в этой книге. Прочтите ее, и вы убедитесь, что удивительное не где-то там в заоблачной выси, в необъятной дали, а здесь, в вашем доме, на вашей улице. Автор пытается показать, что вымысел и правда, фантастика и реальность вовсе не антиподы. И что нередко быль оказывается фантастичнее сказки, а фантастика – правдивее реальности.

КОСМИЧЕСКИЙ МАЯК

Это случилось много лет назад. Я работал тогда в геофизическом отряде одной большой геологической экспедиции. В тот день меня послали на предварительное обследование одного небольшого нового объекта. Я довольно быстро справился с делами и пораньше отправился домой. Обратно я решил поехать другим, незнакомым, но, как мне казалось, более коротким путем.

Нагруженный приборами старенький уазик, грохоча кузовом, медленно катил по разбитой давно неасфальтированной дороге. Этого потрепанного временем и ухабами пенсионера неоднократно собирались отправить под пресс, но каждый раз его спасал безотказный почти безремонтно работавший двигатель-долгожитель.

Вот почему я так удивился, что на сей раз мотор вдруг захрапел, захрипел, чихнул и умолк. «Может, перегрелся?» - подумал я, подергал ключ зажигания, покрутил стартер, потом открыл дверь и прыгнул на дорогу. И тут же сразу почувствовал что-то неладное. Огляделся. Вокруг широкой сковородой желтела пожухлая степь, еще не начавшая отдыхать от жестокого дневного пекла. Вниз к горизонту уплывало оранжеватое солнце, а ему навстречу поднимался бледный оттиск полумесяца. Ничего необычного глаз не отмечал, но всем своим существом я ощущал сильный наплыв какого-то странного излучения. Откуда оно шло? Я нагнулся, положил ладони на еще горячую суглинистую землю, и мои пальцы вздрогнули, как будто их ударило электрическим током.

Вообще-то я рано открыл в себе удивлявшую всех способность чувствовать всякого рода аномалии. Будучи еще подростком, я точно указывал, где за стенкой у соседей стоит отопительная батарея. Позже юношей я мерил бабушке давление обручальным кольцом на шерстяной нитке, и круговым движением ладоней снимал головную боль.

А в студенческие годы научился владеть так называемой "волшебной палочкой". На преддипломной практике с помощью оструганного ивового прутика я обнаружил под полом Останкинского дворца в Москве старые водосточные трубы. Этот древний дренаж многие годы не могли отыскать археологи и архитекторы-реставраторы.

Но здесь моих биофизических талантов явно было недостаточно – то, что ощущали мои пальцы, не походило ни на что, с чем я имел дело раньше. Здесь, безусловно, надо было действовать инструментально. Я распаковал магнитометрическое оборудование, забил в землю щупы-электроды, разложил на траве провода и включил приборы. Счетчики шелкнули, их зашкалило - мощность аномалии была слишком высокой. Но удивительное дело: стоило только отнести хотя бы один прибор в сторону, стрелки сразу же возвращались к нулю. Это могло означать лишь одно - источник излучения был локальным, почти точечным.

В те годы я был фанатом геофизики, считал ее королевой поисковой

геологии, увлекался разными дистанционными методами. Однако, конечно же, я сознавал: наша, геофизиков, роль, хотя и первая, но не основная – мы только обнаруживаем, находим. А вот доставать, добывать мы не можем. И этот случай не был исключением. Никакие самые современные пеленгующие методы не могли заменить простого и безошибочного способа – "пощупать" землю руками. Так уж устроен человек...

Значит, нужен был шурф, нужно было бурение – что тут было еще делать без него? Но труднее для меня задачу и придумать было нельзя. Наша экспедиция имела в том году целый ряд срочных "сдаточных" объектов. А на выполнение того заурядного задания, на которое я в тот день ездил, мне даже помощника не дали. И если бы я пришел к начальству с еще новым делом, меня, наверняка, послали бы подальше.

Вот так я стоял, размышлял, но вдруг что-то прервало ход моих мыслей. Мне почудилось: что-то случилось. Я подбежал к приборам. Так и есть – стрелки стояли на нуле. Что за черт? Я покрутил регуляторы настройки, переключил тумблеры гравиметрии, но ничего не изменилось. Аномалия исчезла.

Очень странно. Можно было усомниться в собственных ощущениях, но приборы... Я прислонился к копоту машины, достал пачку сигарет, закурил. Что делать? Наверно, пора сматывать удочки. Я докурил, загасил каблук окурков, потом подошел к шупам, выдернул один и хотел было уже разобрать проводку, но, случайно бросив взгляд на магнитометр, чуть не вскрикнул от удивления – стрелка снова подпрыгнула. Источник таинственного излучения снова ожил.

Не менее часа просидел я у загадочной аномалии, ведя замеры необычного магнитного поля. Его изменение оказалось строго периодичным: каждые 7,38 минуты исчезало и каждые 1,42 минуты появлялось вновь. Насколько мне было известно, ничего подобного никто никогда в природе не наблюдал, никакие известные магнитные аномалии не вели себя таким вот загадочным образом.

Это уже могло заинтересовать мое экспедиционное начальство и заставить его выделить мне помощь. Что было еще здесь делать? Я собрал приборы, погрузил их в машину и отправился домой.

На следующее утро в Управлении экспедиции царила обычная деловая суэта. В длинных коридорах стоял столбом табачный дым, и громким птичником разносился гул неразборчивых голосов. Поисковики и разведчики, командированные и полевики, буровые мастера, крановщики и шоферы громко обсуждали свои злободневные проблемы, спорили, выбивали у снабженцев транспорт, горючее, буровые инструменты, трубы.

Начальник встретился мне в приемной своего кабинета. Он, как всегда куда-то спешил и мое сообщение о необычной находке выслушал здесь же на ходу и без всякого интереса.

- Точечная аномалия, говоришь? – произнес он, думая о чем-то своем. И, поглядев куда-то в сторону, добавил: – Никакого промышленного значения не имеет.

Однако, столкнувшись с моим погрузневшим, но настойчивым взглядом и поняв, видимо, что в данном случае так просто от меня ему не отделаться, улыбнулся краем губ:

- Ладно уж, бери КШК и больше ко мне не приставай. Только смотри, на один день. Лабораторию сделаешь на полигоне, Елене Геннадьевне скажи, я велел. Пока!

Копатель шахтных колодцев (КШК), конечно, не очень подходил для серьезных дел: сил у него маловато и глубины большой он не дает, но настоящего бурового станка все равно не допросишься. Поэтому, давно привыкнув удовлетворяться тем, что дают, я спорить не стал, махнул рукой и пошел оформлять заявку.

На следующий день с буровиками Николаем Сергеевичем и Рудиком мы приехали к тому таинственному месту. Подкатили КШК к точке бурения, развернули, и вонзили шнек в землю. Сначала лопасти выбросили на поверхность сухую суглинистую почву, потом пошла плотная серая супесь, а за ним темный илистый песчаный грунт. Это был аллювиальный песок, принесенный сюда миллионы лет тому назад давно ушедшей отсюда далеко на восток прарекой Ухтой. Здесь в этом песке где-то и лежало загадочное тело с пульсирующим излучением.

Первый шурф не дошел до расчетной глубины. Рабочие нарастили шнек и снова погрузили его в грунт. Однако второй шурф тоже не попал куда было нужно - шнек переуглубился и прошел мимо уровня аномалии.

- То недолет, то перелет, - огорчился я и стал перекладывать сеть своих геофизических проводов и щупов. - Сейчас новую подсечку сделаем.

- Это тебе не окуня ловить, - заворчал Николай Сергеевич. - Мы так с твоими артиллерийскими пристрелками ничего тут не заработаем. Давай последнюю точку, и кончаем эту волынку.

Я опять переставил приборы, установил измерительный зонд и наметил ось новой разбурки.

Но и третий шурф оказался неудачным, хотя прошел где-то совсем рядом.

- Ладно, бери лопату, полезли вниз, - сказал я Рудику, - старый ручной способ вернее.

Мы спустились в шурф, установили крепеж, чтобы земля не обвалилась, и работа закипела. Лопата за лопатой, метр за метром прощупывали мы стенки шурфа. Николай Сергеевич подстраховывал нас с поверхности и оттаскивал ведра с землей.

- Кладоискатели! - недовольно сказал он. - Зря время только теряем.

Проработали мы около часа и ничего не нашли. Потом собрались уже из шурфа вылезать, как вдруг Рудик закричал:

- Есть клад!

Я быстро повернулся к Рудику и ткнул свой ломик в стенку шурфа - туда, где торчала его лопата. Ломик звонко стукнулся о что-то твердое. Мы стали осторожно расчищать участок расположения таинственного тела

черенком лопаты, чтобы не поцарапать, прощупывали его края и окапывали со всех сторон.

- Сергеич! - крикнул я. - Спусти-ка нам сюда пару досок. Получив сверху доски, я воткнул их в песок и сказал Рудiku:

- Давай, подкапывай снизу. Потихоньку только.

Прошло еще несколько минут, и загадочный предмет в стенке шурфа зашевелился. Потом он потерял равновесие, качнулся, выскользнул на доски и почти бесшумно рухнул на утопанное дно шурфа.

- Эй, что там? - закричал сверху Николай Сергеевич.

Я не ответил, снял рукавицы и медленно одними пальцами стал очищать упавшее тело от влажного глинистого песка.

Это был обыкновенный камень, ничем особенным не отличавшийся от простого булыжника. Подняли его наверх, рассмотрели внимательнее. Твердая темно-коричневая многогранная поверхность неправильной формы, вес - килограммов восемь-десять.

- Чухня какая-то, - ругнулся Рудик. - Целый день потеряли из-за такой ерундовины.

- Не скажи, - возразил я. - Разве не чудо - одиночный камень в сплошном песке. Сколько и кто бы тут ни бурил, всегда шла только глина или песок. А камень первый раз встретился. Откуда ему тут быть? Очень странно...

- Хватит, кончайте треп, поехали, - заторопился Николай Сергеевич, - надеюсь, никто не собирается пачкать нашу КШК этой булыгой?

- Не только собираюсь, но сейчас это и сделаю, - ответил я, - и вы довезете меня с ним до полигона, где мы его сдадим на исследование. Еще посмотрим, что это за простая булыга...

До полигона мы добрались поздно вечером. Сбросили камень во дворе лабораторного корпуса и поехали в поселок по домам.

В девять утра я был уже на полигоне. Заведующая лабораторией Елена Геннадьевна сама взялась провести все необходимые опыты.

- Просквозим ваш камень ультразвуком, изотопом, рентгеном, - сказала она, - и загадки никакой не будет, узнаем точно, что это у него там внутри.

Я затащил камень в операторскую, а сам вернулся в кабинет заведующей. Сел за стол у окна и, чтобы отвлечься и укоротить ожидание, стал заниматься обработкой полевых материалов, скопившихся за последнюю неделю. Но делать ничего не мог. Походил по комнате, выкурил сигарету, опять сел. Поймал себя на мысли, что волнуюсь точно так же, как тогда в больнице, возле рентгеновского кабинета, где решалась судьба отца...

Мучительно долго тянулось время.

Наконец дверь операторской открылась, и вышла Елена Геннадьевна.

- Ну что, нашли что-нибудь? - бросился я к ней.

Она посмотрела на меня долгим изучающим взглядом, потом присела на край стола и косо усмехнулась:

- Ну, и что, шутничек, долго будем шуточки разыгрывать? Вроде бы серьезный человек, геофизик...

- Что такое? В чем дело? – не понял я.

- А в том, что в вашем камне ничего нет. Ровным счетом ни-че-го!

- Как так ничего? – воскликнул я. – Откуда же тогда магнитно-гравитационное излучение, да еще такое сильное?

- Вот этого я не знаю, – Елена Геннадьевна пересела в кресло за свой рабочий стол и сказала с улыбкой. – А не пригрезилось ли вам что-то? Или, может быть, вы с друзьями вчера лишней бутылкой побаловались. Со своей же стороны повторяю: ни рентгенологическое, ни изотопное, ни ультразвуковое обследование ничего не обнаружило. Камень однороден во всем его объеме. Никаких включений там нет, тем более, каких-то там приборов-излучателей.

Я насупился, поник головой, огорченно поджал губы. Долго молчал. Поднял голову.

- Вот невезуха! – сказал я, потом опять помолчал и с надеждой спросил: – Но, может быть, плотность какая-то особая, а? Состав химический или физический необычен?

- Камень, конечно, для своих размеров несколько тяжеловат, – ответила задумчиво Елена Геннадьевна. Потом с насмешкой добавила: – Вы что же, предполагаете, что этот камень – метеорит? И у вас, наверное, есть какая-нибудь захватывающая дух гипотеза?

Я усмехнулся, на мгновение задумался, потом взял из угла комнаты стул, подсел к столу и неожиданно спросил:

- Вы когда-нибудь видели, как на побережье работает морской маяк?

- Ну конечно, горит-горит, затем гаснет на время, потом опять зажигается. Кажется, это для того, чтобы мореплаватели не спутали его с уличным фонарем на набережной. – Она улыбнулась и внимательно пригляделась ко мне. – А-а-а, теперь я понимаю причину вашего волнения. Вы большой научный фантаст, точнее, фантазер. Ну, конечно же, вы предполагаете, что это космический маяк, не так ли?

- Вот именно! – Я достал из бокового кармана куртки сложенную гармошкой длинную узкую перфоленту, развернул ее и вытянул на столе. – Это сейсмограмма, которую я снял в поле. Смотрите, с какой строгой периодичностью повторяются пики и паузы излучения. Прямо какой-то "пульсар" или радар. Но и этого мало: в каждом периоде интенсивность поля изменяется по какому-то необычному закону. Видите, вверх-вниз, сначала плавно растёт, потом падает. То ли синусоида, то ли что-то другое. А вот рядом прослеживается еще один сигнал, уже другой частоты и силы. И тоже пульсирующий.

- Что же это значит? – спросила посерьезневшая Елена Геннадьевна,

внимательно разглядывая зубчатые графики.

- А то, что перед нами не просто маяк или дорожный знак, вероятно, указывающий звездолетам направление движения. Это еще и информационный пункт, сообщающий путникам необходимые сведения! Может быть, именно так космонавты на ходу "заправляются" знаниями об окружающих звездах, планетах и так далее.

- В общем, информационно-заправочная станция обслуживания в космосе, - снова усмехнулась Елена Геннадьевна, - и это в простом-то кремнистом камне. Ничего более солидного ОНИ придумать не могли. Такая наивность!

- Не верите, - огорчился я. - Но почему внеземные цивилизации должны обязательно быть похожими на нас и строить всякие сложные и громоздкие молибденово-титановые межпланетные сооружения? Почему не наоборот, чем выше уровень развития цивилизации, тем она проще?

- Ах, оставьте, - отмахнулась Елена Геннадьевна. - Неужели вы всерьез думаете, что все эти ваши сигналы что-то означают?

- Как хотелось бы это узнать, - вздохнул я. - Но, увы, наверно, это невозможно. Кто мы такие? Мы - неандертальцы, которым попала в руки напечатанная в типографии книга. Вот мы смотрим на нее и догадываемся: систематическое расположение знаков что-то означает. Но что? Прочесть ничего мы не можем, не пришло еще нам время быть грамотными.

Елена Геннадьевна встала из-за стола и, глубоко погрузив руки в карманы халата, стала медленно расхаживать по комнате. После долгого молчания она остановилась передо мною и сказала решительно:

- Когда мало знаешь, то много предполагаешь. Нам даже минералогический состав камня неизвестен. Надо хотя бы геохимическое и физическое обследование провести, а потом уж фантазировать. Давайте-ка, начнем со статистической нагрузки. Помогите поставить объект на установку.

Прошли в операторскую. Я поднял камень, подтащил его к стоявшей в середине зала станине, уложил под пресс и закрепил струбцинами.

- Давление давайте постепенно, - попросил я Елену Геннадьевну.

- На всякий случай поставим опыт на программное управление, - ответила она, - пусть нагрузка растет автоматически. А сами от греха подальше уйдем.

Мы вышли из лаборатории и направились к лесу. Прошли по хорошо утопанной дорожке к сложенной из двух бревен скамейке, сели. Елена Геннадьевна с хитрецей взглянула на меня и сказала:

- Я бы в ваших фантазиях пошла дальше. Почему не предположить, что этот камень - послание из Вселенной, инопланетный привет в метеоритной упаковке, письмо в каменном конверте. Разве не эффектно?

- Вы зря смеетесь, - ответил я. - Ведь, действительно, вполне может быть, что потенциально возможные инопланетяне никогда и не собирались посещать Землю сами. Они могли неким узконаправленным лучом, вроде лазера, "зарядить" камень-метеорит прямо со своей планеты. Или... Еще

смелее: этот простой булыжник и есть форма существования самой инопланетной материи. Почему не предположить, что какая-либо высокоразвитая цивилизация (или даже то, что осталось от нее после ее гибели) существует лишь в виде такого вот мощного магнитно-гравитационного поля, посылающего информационные сигналы во Вселенную? Возможно? Конечно! Мы еще ничего не знаем.

Я замолчал.

В этот момент воздух разорвал оглушительный взрыв. Деревья на опушке леса склонились почти до земли, сверху градом посыпались сухие ветки, листья. Мы с Еленой Геннадьевна бросились к полигону. Сюда же, к зданию лаборатории, где вылетели все стекла в окнах, со всех сторон бежали люди.

- Никого не пускайте, - громко крикнул я, вырвавшись вперед. Всех обогнав, я вошел в здание и закрыл дверь на засов. Взглянул на контрольные приборы у входа в операторскую - слава богу, никакого опасного излучения в помещении не было. Я с волнением распахнул дверь и замер - под прессом установки статических испытаний, куда я десять минут назад своими собственными руками положил камень, было совершенно пусто. Не веря своим глазам, я подошел к станине, потрогал ее руками. Камень исчез.

Опустошенный и разбитый, как после тяжелой болезни, я вышел на улицу. Небольшая толпа работников полигона потянулась ко мне, ожидая объяснения. Я повернулся к Елене Геннадьевне, развел недоуменно руками и пошел в сторону леса.

Что я мог им сказать? Что мы – неандертальцы?

МЫ ПРИДЕМ СЮДА СНОВА

Спасаясь от погони, человек бежал по мелкой морской лагуне. Это была плоская широкая прибрежная низменность, вытянутая вдоль моря и отделенная от него невысокими песчаными дюнами. Через редкие узкие проливы-гирла морская вода во время штормов прорывалась в лагуну, быстро испарялась, оставляя вместо себя плотный густой соляной раствор.

Человек бежал, тяжело передвигая ноги в воде, доходившей ему до колен. Его ступни проваливались в толстый слой вязкого донного ила. Но не только это замедляло его бег, еще большее затруднение представляло то, что человек был хромой. Он сильно припадал на правую ногу и, если бы не большая толстая палка, служившая ему опорой, он давно бы свалился в грязную горько-соленую воду.

Его преследовал гигантский двурогий носорог. На спадающей складками коже зверя грязными лохмотьями висела грубая серая шерсть. Безобразная угловатая морда с короткой толстой шеей завершалась двумя огромными кривыми рогами.

Несмотря на грузное телосложение, внешнюю неуклюжесть и неповоротливость, носорог развивал бешеную скорость. Несколько раз он почти настиг человека, но тот успел с удивительной ловкостью отпрыгнуть в сторону и увернуться от удара острых рогов. При этом громадная многотонная туша носорога по инерции проносилась мимо. Потеряв цель, он замедлял бег, останавливался в недоумении и, поняв, что потерял добычу, раздраженно бил по дну закованными в копыта трехпалыми ногами.

У носорога были далеко расставленные друг от друга маленькие злобные глаза, которые плохо видели. Однако благодаря отличному слуху и обонянию он быстро находил свою жертву, разворачивался в нужном направлении и стремительно бросался вперед.

Все было ничего до тех пор, пока преследователь и преследуемый бежали по илистому мягкому дну. Носорог увязал в нем, и быстро разворачиваться ему было трудно. Но потом вязкий ил сменился скользкой глиной, и зверь стал намного быстрее делать свои повороты, а движения человека, наоборот, перестали быть такими ловкими, как прежде. Его ноги скользили по глине, разъезжались в разные стороны, палка плохо втыкалась в грунт и уже почти не помогала. Увертываться от свирепого зверя становилось все труднее и труднее.

И вот наступила развязка. В какое-то мгновение человек поскользнулся, потерял равновесие, не удержался и, взмахнув руками, свалился в зловонную сероводородную жижу. Он хотел подняться, но, повидимому, подвернул больную ногу и стал совсем беспомощным. Барахтаясь в воде, он тщетно пытался встать. Наконец человек совсем отказался от этих попыток, встал на четвереньки и пополз в сторону от стремительно приближавшегося к нему носорога. Однако скорости их, конечно, были несоизмеримы. Зверь настиг его и со всего размаха вонзил свои рога.

Но тут произошло нечто совершенно непонятное - рога носорога воткнулись не в человека, а в глину, в дно. И вовсе не потому, что он промахнулся, а потому, что человека на этом месте вдруг не оказалось. Нет, он не отпрыгнул в сторону, не отполз и не отбежал. Он просто-напросто исчез. Как?

В этом-то и была неразрешимая загадка финала тех драматических событий, которые произошли полтора миллиона лет назад на топкой морской лагуне.

Погоня ископаемого носорога-эласмотерия за первобытным человеком длилась всего около двух коротких часов. Зайдинский же шел по их следам уже более пяти долгих лет.

Все началось с того жаркого июльского дня, когда старший научный сотрудник Геологического института Зайдинский приехал на электричке в Вилбирск обследовать один крупный изыскательский котлован. Объект находился далеко от города и Зайдинскому пришлось подъезжать к нему на попутной машине по пыльной проселочной дороге.

Котлована пока еще не было. Взрывники добуривали последние шпуры, закладывали в них камуфлетные заряды, протягивали провода. Зайдинский прошел в прорабскую-укрытие и стал ждать.

Раздался оглушительный взрыв. Земля дрогнула, прорезалась сетью трещин, раскололась на части, и рваные глыбы скалы взлетели высоко в воздух. Белая известковая пыль покрыла все вокруг и заскрипела на зубах. Выброшенная порода неровными пирамидами легла на бровку котлована.

Зайдинский пошел за бульдозером, перемещавшим горы камней, лез по откосу, спускался на дно котлована, отбирал образцы для анализа, обмерял мергелевые и гипсовые прослои. Это были ископаемые лагунные отложения плеоценового возраста - бывшие илы, пески и глины, за сотни тысяч лет превратившиеся в твердую скалу.

Бульдозер громко урчал на косогоре. Его гусеницы месили толстый слой пыли, оставляя в ней запутанные пунктиры широких линий. Неожиданно бульдозерист остановил машину и спрыгнул на землю.

- Сюда! Быстрее! - закричал он.

Зайдинский был к бульдозеру ближе всех и поэтому подбежал первым. На плоских слоистых мергелевых глыбах виднелись какие-то странные, расположенные парными рядами углубления.

- Понимаешь, их тут полным-полно, - возбужденно говорил бульдозерист, я-то сначала думал, что это от гусеничных траков моего бульдозера, а потом взгляделся - совсем другие они, эти следы...

Зайдинский поднял валявшиеся неподалеку обломки камней, приложил их друг к другу, потом несколько раз поменял местами, добавил еще пару небольших обломков и вдруг замер от удивления. Перед ним были окаменевшие отпечатки человеческих ступней.

Бросив все другие дела, Зайдинский полез на другую сторону котлована, внимательно осматривая каждый кусок скалы. Там он обнаружил и другие отпечатки - глубокие круглые, собранные по три вместе. Это были следы крупного непарнокопытного животного. Строго симметричными парами они почти всюду сопровождали следы человека.

С этого момента и начались долгие кропотливые исследования. Кроме первого котлована были сделаны десятки других шурфов и раскопов. Геологи перерыли всю бывшую лагуну, перевернули горы грунта, изучили почти каждый квадратный метр древней земли. Вся грунтоведческая лаборатория была завалена глыбами мергеля, известняка, доломита. Тысячи крупных и мелких камней, на которых сохранились загадочные следы. Зайдинский собирал их по частям, по крупцам и складывал вместе, как детские кубики, как мозаику. Потом он на компьютерной модели изучал схемы перемещения следов на местности, строил пространственные муляжи.

Постепенно шаг за шагом была полностью восстановлена до мельчайших подробностей картина погони носорога за человеком и найдено то самое место, где преследование закончилось трагическим и таинственным финалом.

И вот пришло это важное и, казалось бы, решающее открытие. Поздно вечером, когда Зайдинский уже ложился спать, ему позвонил домой Кир Зотов, его старый добрый знакомый, в Палонтологическом институте возглавлявший группу поиска.

- Привет, следопытам! – сказал он. – Еще не спишь? И не будешь. Реконструировали мы твоего чуду-юду. Собрали по косточкам. Экземпляр, надо признаться, впечатляющий – рост, фигура, вес, все. Выставим в Палеонтологическом музее – пусть поражает воображение посетителей.

Зотов помолчал немного, потом продолжил:

- Но выявились странные вещи, объяснить их пока не могу. Понимаешь ли, твой зверюга отдал концы как раз в тот момент, когда воткнул рога в землю. Он не успел и шага сделать в сторону, как упал замертво в воду. Это мы установили точно.

- Что же с ним могло случиться, - удивился Зайдинский, - разрыв сердца, инфаркт миокарда?

- Не знаю, не знаю, - ответил Кир, - возможно, он был убит...

- Чушь какую-то ты порешь! Не мог же его прикончить своей деревянной палкой этот загнанный усталый человек?

- Кстати, относительно этого... - Зотов понизил голос. - Если говорить точнее, твой Хромой не был человеком.

- Ладно, хватит меня разыгрывать, - возмутился Зайдинский, - у меня у самого столько загадок - голова пухнет от них, а ты еще добавляешь. Давай-ка упрощать, а не усложнять.

- Да ты не кипятись, послушай спокойно. - Кир сделал небольшую паузу и

продолжал: - Наш антрополог подробно изучил вопрос, сопоставил формы ступни сотен ископаемых архантропов. Не буду тебя посвящать во все эти хиромантические хитрости. Скажу проще: большой палец нашего Хромого оттопыривается куда больше, чем у всех известных до сих пор питекантропов и синантропов. Хромой был, по-видимому, чем-то средним между приматом и человеком или еще чем-то неизвестным.

- Но, позволь, - возразил Зайдинский, - в этом районе в те времена никаких сплошных лесов не было, а обезьяны тогда все-таки еще лазали по деревьям.

- Ладно, не будем упражняться в антропологии, - сказал Зотов. - Мы с тобой далеко не Дарвины. Но, без шуток, не пахнет ли тут самой настоящей Нобелевкой? Ведь, кто знает, может, этот Хромой и есть то самое заветное трижды таинственное промежуточное звено между древней человекообразной обезьяной и современным гомосапиенсом. Ведь сколько лет уже его найти вожделем целая армия антропологов.

Вот так все усложнилось и запуталось. Находка носорога не только не помогла раскрыть тайну, а, наоборот, задала новые, еще более трудные загадки. Особенно огорчало исчезновение останков Хромого. Куда же он делся? Не мог же он со своей простой деревянной палкой совершить некий фантастический полукилометровый прыжок? Не мог он ни раствориться, ни испариться, ни взлететь в воздух... Хотя кто его знает.

И вот снова (в какой уж раз!) поехал Зайдинский в Вилбирск, вышел на окраину и направился к местам своих полевых исследований, с которыми было столько связано и которые теперь, отслужив свое, были забыты и заброшены. Он ходил между раскопами, отгороженными невысокими заборчиками, между ящиками с мергелевыми и доломитовыми образцами горных пород. И снова, как и раньше, возник перед ним тот древний плеоценовый пейзаж.

Над гладкой поверхностью лагуны висел тяжелый утренний туман, поднимавшийся высоко к подернутому облаками белесоватому небу. Всюду была вода, мертвая сульфатная вода, не оставлявшая места ни для чего подвижного и живого.

И только вдали на востоке высилась длинная гряда известняковых гор, заросших невысоким кустарником и травой. Они тянулись параллельно берегу моря и зеленой полосой обрамляли мрачную матовую черноту замершей лагуны.

Но вот за горами загорелась ранняя утренняя заря. Сквозь решето кустарника робко пробился красный луч света. Потом низкое солнце вырвалось из-за горизонта, ударило в глаза и разлетелось маленькими осколками по волнистой поверхности воды. Первобытный человек (или кто он там был) бежал навстречу рассвету. Пытаясь скрыться от погони, он бежал к спасительной земной тверди, к свежести кустов и трав, бежал туда, к Вилтерским горам.

Но не добежал. Как и его преследователь, шерстистый носорог.

С тех пор прошли десятки, сотни тысяч лет. Здесь все изменилось: море безвозвратно отступило далеко на запад, морская лагуна исчезла, на ней выросли мощные слои песка и суглинка, нанесенные ветрами и потоками талых и дождевых вод.

Только Вилтерское нагорье, сглаженное временем и превратившееся в невысокие плоские холмы, осталось от того древнейшего периода истории Земли. Только они еще как-то обозначали границу лежавшей когда-то рядом морской лагуны. Ну, конечно, только где-то в них и должна была быть разгадка тайны.

И так же, как тогда, в тот страшный час, неяркое утреннее солнце поднималось над холмами и длинные бледные тени деревьев вытягивались к западу.

Зайдинский присел на край большого угловатого камня, лежавшего под густым развесистым дубом. Солнечные зайчики прыгали по земле, и, подражая им, шустро бежали друг за другом вперегонки бойкие неотвязные мысли. Но вот одна из них, неожиданная, ясная и простая, вдруг остановилась, вытеснила и заслонила все остальные. Кажется, и раньше она приходила ему в голову, но именно сейчас обозначилась наиболее четко и ярко: кроме первобытного человека и шерстистого носорога, был тогда на морской лагуне и кто-то третий.

Кто это был - рыжий саблезубый тигр, черноволосый мохнатый мамонт, коротконогий горбатый зубр? А может быть, это был соплеменник Хромого, сильной рукой натянувший тугую тетиву ивового лука?

Зайдинский встал и направился к берегу протекавшей неподалеку речки, которая уходила вдаль к холмам. Здесь, в низовьях, она была мелкой и тихой. На берег из воды выползали длинноногие голенастые камыши. Собравшись вместе, они косою стаей убегали к самому краю долины.

Зайдинский пошел вверх по течению. Постепенно река делалась все быстрее, долина сужалась, берега приближались друг к другу, становились круче и обрывистее. Здесь речной поток стал глубоко врезаться в современные покровные отложения и обнажил древние ископаемые слои.

Зайдинский замедлил шаг, потом совсем остановился.

Вот оно, это обнажение! Еще в начале работ, при геологической съемке района, он обратил внимание на крутой каменистый обрыв с необычным слоистым сложением. Еще тогда его заинтересовали странные черные включения в верхней части откоса. Что-то важное и таинственное почудилось ему в них. Но в те дни, когда работы на этом объекте было ужасно много, и поджимали сроки сдачи отчета, задумываться над своими ощущениями было некогда.

Зайдинский приблизился к обрыву и стал внимательно разглядывать неровные скалистые слои. Его взгляд пробежал по желтовато-коричневым бугристым прослоям глинистого сланца, темно-серым изломам доломита и вдруг споткнулся об острые прямоугольные выступы того самого необычного черного камня.

Он подошел еще ближе, и ему показалось, что на обрыве вырисовывались

какие-то крупные, переплетающиеся друг с другом таинственные знаки. Это была не латынь, не кириллица, не один из известных шрифтов. Беззвучно шевеля губами, он то ли прочел, то ли почувствовал (или ему это только показалось?) буквы, которые складывались в загадочное словосочетание:

Мы придем сюда снова.

СТАРОЕ ФОТО

Зарумов лежал на спине, смотрел на небо и готовился к смерти. Она должна была придти не когда-то там в необозримом будущем, а совсем скоро и в совершенно определенное время: через 2 часа, 32 минуты и 16 секунд. Смерть была запрограммирована с машинной точностью. Именно в этот момент прекратится жизнеобеспечение его автономной капсулы-скафандра, прервется подача воздуха и тепла, нарушится герметизация, и он окажется один на один с чужим мертвым миром вечного безмолвия.

Страха не было. Было лишь сожаление, что в этот последний час он будет совершенно один, без близких и родных. Он не услышит нежного голоса Эвы, не увидит ее милых глаз, умеющих вдруг взрываться радостью и весельем. Никогда больше он не ощутит прикосновения ее мягких ласковых пальцев, и сам не коснется ее гладкой теплой кожи.

И никогда не пройдутся они, взявшись за руки, по солнечной тропинке в зеленом южном парке, и маленькая светловолосая Бела, рыжунья, не повиснет на его плечах. Никогда он не почувствует ее влажного душистого дыхания, не услышит ее звонкий задорный смех.

Он вообще больше никогда не услышит никакого человеческого голоса, даже самого далекого, радиоволнового, не увидит ничьих человеческих глаз, хотя бы в видеозоре. Он будет до самого своего конца один.

А ведь когда-то раньше, в не такой уж далекой молодости Зарумов, глупец, часто подумывал о том, что так иногда нехватает ему уединения. Вечно на людях: на работе - сотрудники, подчиненные и начальники, на улицах и площадях - толпы народа, толчея в магазинах, в театрах, на выставках, дома - родные, приятели, знакомые, соседи. Ни на минуту не удавалось остаться одному, уйти в себя, сосредоточиться.

Чудак, теперь он может без всяких помех уходить в себя и углубляться сколько угодно. Теперь он до конца останется в одиночестве, и ему никто не будет мешать. Во всей Вселенной, среди мертвых, горячих и холодных звезд, планет, метеоритов, комет — он всегда будет один, наедине с Вечностью.

А ведь только несколько часов назад их было трое. Они летели по межгалактической трассе в автоматическом режиме, занимались своей обычной научной работой, отбирали пробы космической пыли и газов, изучали излучение звезд и зондировали планеты.

Запущенный по точно рассчитанной баллистической орбите, их корабль описывал в далеком Космосе гигантский эллипс и должен был в строго заданное время вернуться на Землю. Детальные подробные расчеты, казалось бы, учли все самые невероятные неожиданности, любые мыслимые и немыслимые отклонения от трассы, появление на пути корабля новых еще неизвестных космических тел.

И все-таки где-то компьютеры ошиблись. Может быть, произошел сбой в

системе слежения ведущего космического маяка или в машинном управлении корректирующих двигателей. Неясно как, но это случилось.

Шел трехсотпятый день их полета. Они за ночь хорошо выспались, позавтракали и теперь сидели в уютном рабочем отсеке, каждый занимаясь своей работой. Приборы и аппараты тихо стрекотали, делая замеры и определения, навигационные приборы были в норме и чутко прислушивались к тому, что делается там, за бортом корабля. Абсолютно ничто не предвещало никаких неприятностей и осложнений, все было спокойно и мирно. |

Механик Литов первый почувствовал опасность. Он оторвался от своих схем и чертежей и долгим взглядом посмотрел на приборы метеорологического прогноза.

- Неладно что-то за бортом, - сказал он задумчиво и настороженно взглянул в иллюминатор, за которым, правда, не обнаружил ничего подозрительного. - Не нравится мне, братцы, метеосводка. Слишком много по нашему курсу непредвиденных ранее метеоритных пылевых | туч, облаков и прочей туманной мерзости.

- Неладно что-то в Датском королевстве, - шутливо продекламировал Миша Кулиш, физик, - кстати, исстари известно, что синоптики, будь они трижды умнейшими и совершеннейшими роботами, всегда врут. Такая уж у них работенка.

Зарумов тоже не придавал тогда значения беспокойству Литова.

- Помните старый бородатый анекдот про оптимиста и пессимиста? - сказал он, улыбаясь. - Их попросили предсказать, какая завтра будет погода. "Хорошая", - ответил оптимист. "Плохая", - возразил ему пессимист. И вот приходит этот завтрашний день - пасмурно, сыро, дождь. Про оптимиста говорят: "Ну и что же, со всяким бывает, ошибся, ничего". А про пессимиста: "У-у, гад, накаркал". Так что, механик, брось свои страхи и охи, давай-ка лучше займемся наладкой моего лучевого зонда, а то ведь скоро он понадобится, скоро уже приблизимся к Трайкосу.

Так называлась еще никем никогда не изучавшаяся небольшая почти карликовая звезда, вокруг которой вращалось множество планет и болидов. Зарумов, отвечавший за геологическую часть исследований, должен был согласно Генеральной Программе изучить плотность, состав и другие физико-механические свойства планетного вещества.

- Черт с вами, оптимисты, пусть будет по-вашему, - проворчал Литов, поднимаясь со своего рабочего кресла, - может быть, и правда, пока еще нет повода корячиться в туннельном отсеке. Но вот помогу Зарумову и обязательно туда полезу проверить синоптические приборы.

Но он ничего не проверил, не успел.

Пока они возились с лучевым зондом, за бортом действительно что-то произошло. Сначала корабль резко качнулся, потом его затрясло от сильных и частых ударов, заскрипела и завибрировала обшивка. Звездолет попал под обильный космический дождь и град. Шквал мелких, средних и

крупных метеоритов налетел со всех сторон.

Вышли из строя навигационные датчики, укрепленные на наружной поверхности звездолета, в блоке наблюдения отказало следящее устройство. А потом произошло самое страшное - ослепший корабль потерял курс. Защитное гравитационное поле отбрасывало его, как мячик, от одного болида к другому и швыряло в разные стороны, сбивая с нужного направления.

- Дело совсем дрянь! - воскликнул Литов, взглянув на приборный щиток управления. - Скорость резко растет, мы входим в зону притяжения какой-то планеты. Готовьте аварийные модули.

Все трое бросились к шкафам-запасникам, отсоединили в них автономные капсулы-скафандры, проверили их заправку и прикрепили к своим рабочим креслам. Кулиш взялся за рули ручного управления системой мягкой посадки. Он напрягся, лицо его покраснело, глаза округлились

- Вот дьявол! - закричал он в ужасе, делая безнадежную попытку овладеть пусковым устройством. - Двигатели не работают.

Через 80 секунд мы врежемся в поверхность планеты. Зарумов, как плотность грунта?

Зарумов направил вниз лучевой щуп-зонд. Ничего утешительного - луч на планете отразился от твердого каменистого грунта.

- Разобьемся, - пробормотал он, нахмутив брови и откидываясь на спинку кресла. - Посадка корабля невозможна. Надо самим спастись, придется прыгать.

Правила категорически запрещали выход на поверхность незнакомой планеты, предварительно не изученной хотя бы в объеме обязательной стандартной программы. Но сейчас другого выбора

не было. Все решали секунды. Либо они погибнут, разобьются вместе с кораблем, врезавшись в твердую поверхность планеты, либо катапультируются и останутся до поры, до времени живы.

Согласно бортовой диспозиции, в аварийной ситуации ответственность, старшего должен был брать на себя Литов. Но что ему оставалось сейчас решать?

- Включить катапульты! - скомандовал он. - Через 20 секунд - пуск.

Зарумова спасла его собственная нерасторопность: он забыл заранее снять с пускового устройства предохранитель. На освобождение блокирующей скобы ушли те самые полторы секунды, которые спасли ему жизнь.

Кулиш и Литов опередили Зарумова и стартовали первыми. Они благополучно оторвались от стремительно летящего вниз корабля, взмыли над его поверхностью и уже пошли было на снижение, когда случилась эта ужасная катастрофа.

Откуда-то сбоку вдруг появилось огромное темное газовое облако. Переливаясь в лучах Трайкоса фантастическими фиолетово-сиреневыми бликами, оно стремительно рванулось к космонавтам. Его безобразные лохматые отростки, как огненные языки чудовищного змея-дракона,

вытягивались, удлинялись, извивались, непрерывно меняя свою форму и размеры. Еще мгновение, и они коснулись своими острыми звериными жалами людей, тщетно пытавшихся вырваться из их страшных объятий.

Две ослепительно яркие вспышки кривыми лучами-молниями вспороли облачную мглу, газовая пелена сгустилась, стянулась к горящим факелам и взорвалась, исчезнув сама и не оставив ничего рядом с собой, ни живого, ни мертвого.

Так Зарумов остался один. Медленно спускаясь, он осторожно спланировал, сделал несколько небольших кругов и осторожно сел на поверхность планеты. Он отбросил уже ненужные отработанные ракеты, и огляделся.

Вокруг царила суровая мрачная пустота, полный вакуум. Ни атмосферы, ни воды, ни растительности. Одна только голая скальная равнина, в отдельных пониженных местах прикрытая тонким слоем серой похожей на гальку почвы, состоящей из небольших гладких шариков, неподвижных и однообразных.

Древняя, давно уже умершая планета, кое-где была расколота прямыми неглубокими трещинами, обнажавшими такие же скальные холодные недра. Зарумов подошел к краю одной из них и посмотрел вниз - ничего, что могло бы быть для него спасительным или хотя бы полезным, такая же пустота и мертвечина

Он достал из заплечного ящика инвентарную экспресс-лабораторию, установил на штативе сейсмо-акустические приборы и по укороченной программе провел все необходимые геофизические измерения. Планета была однородна, тверда и холодна по всей своей глубине и не оставляла никаких надежд на получение хоть небольшого количества какого-нибудь тепла, энергии, полезных ископаемых или еще чего-либо. Ничего.

Теперь надо было разыскать то, что раньше было кораблем. Это большого труда не составляло, так как Зарумов еще до своей посадки подсек траекторию и координаты его падения. Звездолет лежал в неглубокой расщелине. С первого взгляда стало ясно, что он разбит, сплюснен и ни на что уже не годен, как старая консервная банка.

Кое-как цепляясь за неровные края расщелины, Зарумов спустился к останкам своего недавнего космического дома и остановился, с грустью сознавая безвыходность своего положения. Здесь ни на что не было никаких надежд. Люк во входную шлюзовую камеру вместе с самим шлюзом был полностью уничтожен, двигатели сгорели, контейнеры с блоками систем питания и жизнеобеспечения смяты в лепешку. В общем, никаких вариантов.

"А ведь мог бы быть шанс стать Робинзоном Крузо, - усмехнулся с горечью Зарумов, - вот только где взять Пятницу?"

Он на прощание погладил ладонью смятую поверхность разбитых иллюминаторов, провел пальцем по сломанным выступам дюз, как-будто через плотную ткань скафандровых перчаток можно было ощутить тепло земного металла, почувствовать мягкую шершавость защитного

кремниевого покрытия.

Ничего не поделаешь, надо идти. Зарумов тем же путем вылез на край расщелины, прошел несколько шагов и снова огляделся. Неяркое окаймленное темной полоской светило Трайкос блеклым розовым колесом медленно катилось по длинному низкому горизонту. Контрастные резко очерченные черные тени рваными тряпками покрывали неглубокие понижения местности. Зарумов подумал, что не стал бы без нужды по ним ходить, хотя, конечно, было ясно, что это только тени, и ничего, кроме галькообразной почвы, там нет и быть не может.

И все-таки он должен, обязан поискать своих Пятниц. Этого требует и устав Межзвездных связей. На каждом новом космическом объекте, кто бы и когда на него не попал, помимо всяких других стандартных исследований, обязательно должен быть проведен поиск следов разумной жизни.

"Не буду напоследок нарушать правила, хотя здесь это простая формальность, совершенно ненужная", — подумал Зарумов, доставая кассетный словарь-справочник Инопланетных контактов. В нем были языки, наречия, диалекты всех времен и народов, когда-либо населявших Землю и другие обитаемые миры, телепатические способы общения, языки жестов и пантомим, цветовых и световых символов. Но в данном случае все это для такой забытой Богом планеты, увы, явно было совсем не нужно. Здесь некому было показывать картинки с изображением людей и Солнечной системы, здесь некому было слушать земную музыку и позывные Межзвездной службы.

Зарумов вспомнил, как на Зарее они установили на возвышенностях видеозоры и целый час гоняли мультики и фильмы-боевики. На них, как бабочки на огонек, слетелись тогда летуны - многокрылые жители планеты. Но там была атмосфера, растительность. А здесь мертвая пустота...

Может быть, все-таки попробовать хотя бы язык лучей?

Зарумов установил на штативе небольшой портативный радар и стал прослушивать окрестность на волнах самого широкого диапазона длин и частот. Во все стороны по поверхности и вглубь планеты понеслись сейсмические, гравитационные, радио и световые лучи, инфразвук и ультразвук.

Но никакого отклика, даже самого слабого, чуть заметного, хотя бы сомнительного приборы не поймали. Только один раз мигнул индикатор, когда инфразвуковая волна скользнула по самому верхнему слою почвы. Однако Зарумов тут же отметил, что причиной возмущения была его же собственная нога.

"Дохлый номер, - пробормотал он про себя, - искать здесь жизнь, все равно, что на Земле в Северном Ледовитом океане ловить жирафов." Он собрал приборы и кассеты с результатами измерений, поставил их на место в скафандровом боксе и снова загерметизировал.

Теперь он должен был умереть.

Древние жители Земли, каждый раз убеждаясь, что человеческое тело после смерти разрушается, превращается в прах, тешили себя надеждой на нетленность, вечность души, на ее загробную потустороннюю жизнь. Они верили в то, что хотя тело умирает, душа остается.

С Зарумовым будет все как раз наоборот. Исчезнет его внутренний мир, его сознание, чувства, ощущения, его "я". Но останется тело. В этом вакуумном стерильном мире, без воздуха и воды, без гнилостных бактерий он будет лежать законсервированным сотни, тысячи, а, может быть, и миллионы лет.

Зарумов вспомнил рассказ одного своего друга-археолога, экспедиция которого как-то нашла хорошо сохранившийся труп человека, замурованного в плотный непроницаемый для воды и воздуха гидротехнический бетон. Когда-то давно, еще в XX веке, на реках строили гигантские железобетонные плотины для гидроэлектростанций. Человек, отбывавший наказание заключенный, упал в блок бетонирования, его не успели вытащить, он утонул в бетонной жиже и так остался лежать в затвердевшем бетоне целым, пока не стал добычей археологов.

Кто знает, может быть, когда-нибудь в далеком будущем и Зарумова вот также обнаружат здесь, на этой затерянной в Космосе безжизненной планете и тогда его тоже будут изучать ученые, и он станет археологической достопримечательностью. Может быть, и планету назовут его именем.

У каждой эпохи свои находки.

Теперь главное, ему нужно получше выбрать подходящее место для своей могилы. Конечно, оно должно быть вблизи остатков корабля. Надо лечь где-нибудь повыше, на видном месте, где его легко можно будет обнаружить вместе с компьютерными мемори-стиками, которые будут хранить всю информацию.

Пожалуй, он выберет вот этот невысокий, более, чем другие, светлый бугорок, который и станет его последней постелью. Здесь разомкнется защитная скафандровая оболочка, его последнее человеческое жилище, и он станет частью чужого враждебного мира, где царит вечное безмолвие, покой, тишина.

Зарумов опустил на колени, присел, потом лег на спину, подложив под голову бокс с информационными материалами. До конца оставалось четырнадцать минут. Он сдвинул магнитный клапан наружного кармана и достал пластиковый пакет со старой объемной фотографией. Пусть в последний миг его жизни с ним будет рядом ласковый взгляд милых родных глаз.

Это был один из самых счастливых месяцев их жизни. Они втроем поехали тогда в отпуск на побережье к морю. Пляж, горы, яркое жаркое солнце, буйная летняя зелень.

В тот день, когда было сделано это фото, они бегали по пляжной гальке, которая щекотала и колола пятки, а Эва с Белочкой соревновались, кто дольше пропрыгает по острым камушкам.

- Знаете ли вы, понимаете ли вы, - передразнивая пансионатного врача, "докторским" голосом вещала Бела. - Это же так полезно: на ступнях ног окончания нервов, связанных почти со всеми внутренними органами. Массажирюя пятки пляжной галькой, вы фактически массируете печеньку и селезенку.

Они громко хохотали, а потом, взявшись за руки паровозиком бросались в воду, ныряли, плавали вперегонки. Как им тогда было хорошо, как они тогда были счастливы!

Зарумов оторвал взгляд от фотокарточки, непроизвольно прижав ее к своему телу (они ведь "совсем раздетые в такой мороз"). И снова посмотрел на окружавшую его повсюду застывшую в пятисотградусном холоде мертвенно-серую почву. Здесь, на планете, тоже была галька, но разве такая!

Только теперь Зарумову впервые за все это время вдруг стало по настоящему страшно. Безотчетный первобытный ужас охватил все его существо, задрожали колени, лоб покрылся испариной. Пальцы непроизвольно потянулись к защелке шлема - поскорей бы избавиться от этого гнетущего унижительного чувства - чего тянуть, все равно осталось уже немного.

Но тренировка космонавта сказала - он быстро овладел собой, рука опустилась вниз, пальцы сжались в кулак. Зарумов собрал всю свою волю, сосредоточился. Надо было сделать последние приготовления: переключить приборы, еще раз проверить герметичность "банка памяти". Все это сделав, он устроился поудобнее и приготовился к смерти.

Как мудро устроила природа в том нормальном человеческом мире - человек не знает своего последнего часа. Хотя испокон веков стремится разгадать свое будущее. Античные оракулы и средневековые гадалки, ученые-прогнозисты и компьютерные машины времени - кто только не пытался прочесть Книгу Судеб. Но всегда безуспешно. И если бы сейчас кто-то мог задать Зарумову извечный вопрос "Что такое счастье?", он бы без всяких раздумий тут же ответил: "Счастье не знать, что с тобой будет завтра, сегодня, через час".

А он, увы, знал. Вот и подтверждение этого - на приборе жизнеобеспечения загорелся красный огонек. Через пару минут на экране вспыхнет и тревожно замигает крупными буквами надпись-сигнал: "Срочно нужна заправка! Срочно нужна заправка!" А потом прекратится подача воздуха, тепла, все погаснет, отключится. Наступит полная тишина, темнота. Смерть.

Зарумов закрыл глаза, больше он не будет смотреть на приборы. Стал ждать, Прошла минута, другая, третья, пятая. Но что это? Ничего не происходит. Дышится также свободно и легко, как раньше, по-прежнему тепло. Где он, может быть, в загробной жизни, в которую верили предки? Зарумов открыл глаза, посмотрел направо, налево.

Нет, он все там же, на той же планете. По-прежнему косо смотрит на безжизненную равнину круглый блеклый Трайкос, также чернеют зловещие теневые пятна в расщелинах и низинах. Он поднес руку к глазам

и посмотрел на наручные приборы: красный огонек индикатора погас, а буквенный сигнал не появился. Температура, давление в норме. Мало того, показатель заправки воздухом и энергией стоит на черте "полное". В блоке питания появилось даже аварийное обеспечение, которое давно уже было израсходовано. Откуда все это богатство?

Неожиданно Зарумов услышал какие-то звуки. Они то возникали, то исчезали, то приближались, то удалялись. Одни из них были высокие и тонкие, другие - низкие и густые. Звуки были так тихи и слабы, что разобрать их было почти невозможно. Но они были, они существовали, причем явно вне какой-либо связи со скафандром и всем тем, что в нем находилось, - звуки шли откуда-то со стороны.

Потом они стали немного громче, яснее. Зарумов напряг слух, внимательно вслушался и вздрогнул, пораженный: это были голоса. Да, да, настоящие человеческие голоса!

Первая мысль была: этого не может быть, это галлюцинация, болезнь. Взглянул на индикатор медицинского состояния — все в порядке, показатели умственного уровня нормальные, он не спятил. Но тогда, что же это такое?

Волнуясь и торопясь, Зарумов расчехлил радиометрическую аппаратуру - может быть, магнитная антенна уловила какие-то далекие сигналы из Космоса, и где-то там, в необъятных межзвездных просторах, мчится корабль с Земли? Может быть, он только что вошел в зону, доступную для пеленгования с Трайкоса, и Зарумов сейчас свяжется с его экипажем, сообщит свои координаты, и его заберут отсюда.

Дрожащими пальцами схватил он ручку настройки пеленгующего устройства. Послал длинные волны, потом еще длиннее, длиннее, дальше, дальше. Но, увы, никакого ответа, в огромном пространстве вокруг Трайкоса была только пустота.

А голоса продолжали звучать. Все явственнее, все четче. Один, кажется, был женский, другой более невнятный, скрипучий, какой-то странный, нечеловеческий.

Зарумов укоротил волны, взял другой диапазон пеленгования и вдруг замер в ошеломлении. Источник звуков был где-то совсем близко, совсем рядом, в нескольких метрах. Сердце Зарумова учащенно забилося, от волнения перехватило дыхание. Неужели такое возможно, неужели здесь живые люди? Это было слишком неправдоподобно, чтобы быть правдой.

Зарумов быстро поднялся на ноги, бросился бежать, бежать туда, откуда только и могли быть слышны человеческие голоса. Он подскочил к краю темной расщелины с обломками корабля, присел на корточки и заглянул вниз. Но там, как и прежде, не было ничего, кроме разбитого мертвого металла. Огорченно вздохнув, он поплелся назад, продолжая на ходу вслушиваться в таинственные голоса.

Неожиданно ему вдруг показалось, что в женском голосе он слышит знакомые нотки, милое мягкое придыхание, нежный ласковый тембр. Кто это? Неужели, Эва? Как это может быть? Он взялся за рычажок ручной настройки. По экрану дисплея медленно побежал тонкий световой лучик.

Все ближе, ближе. Вспыхнула яркая голубая точка. Вот оно. Есть. Поймал. Зарумов недоуменно взглянул на координатный указатель - источником звуков была... фотография. Он разочарованно вздохнул и выключил приборы.

Однако, это было очень и очень странно. Как может кусок неживого пластика, хотя бы и с изображением человека, даже любимого, заговорить живым человеческим голосом? Что, он превратился в некое "звуковое письмо"? Неужели подействовало какое-то таинственное чудодейственное облучение? Но если даже это так, то причем здесь тогда второй голос, совсем незнакомый, чужой, металлический?

Зарумов прислушался к нему. Он что-то спрашивал у Эвы, та отвечала. И вдруг Зарумов понял, что они говорят о нем, он даже услышал свое имя. Это доказывало, что разговор, конечно же, происходил не когда-то там на Земле, в прошлом, а здесь, сейчас, сию минуту. Вот это да!

Он присел на корточки, положил рядом с собой фотографию, потом наклонился над ней и сразу же заметил: что-то возле нее не так, что-то иначе. Что именно? Ага, почвы стало почему-то больше, круглые камни сгрудились около эвиного лица и почти засыпали его. Зарумову даже почудилось, что они чуть-чуть шевелятся, перекатываются по фотокарточке, разглядывают ее, глядят.

И тут его осенило. Ну, конечно же, это они разговаривают с его Эвой, расспрашивают ее, узнают о нем, о Земле, людях. Это они не дали ему погибнуть. Как же он раньше не догадался? Почва из круглых "камней" - вот, оказывается, что живет в этом "мертвом" мире!

Он опустил на колени, приложил ухо к земле, прислушался. Разговор сразу же прекратился, стали слышны только какие-то шорохи, скрипы, свисты. Потом они начали плотнеть, сгущаться и оформляться в отдельные слова, фразы, мысли. Впрочем, скорее всего, это была даже не какая-то там звуковая речь или письменный текст, которую можно услышать или прочесть. Просто в сознании Зарумова как-то само собой, сразу и целиком, возник образ этого странного ни на что непохожего мира.

Его обитатели были облачены в самую совершенную, самую оптимальную форму существования материи, шаровидную, в которой не было ничего лишнего, ненужного (недаром, почти все небесные тела -сферы). Но и эти шары представляли собой всего лишь внешнюю оболочку необычного замкнутого мира, обращенного на себя самого, существующего совсем в ином измерении, недоступном для человеческого понимания.

Это была сверхцивилизация самого высшего типа. Она бурно развивалась, но росла не вширь, как другие, захватывая все новые и новые планеты, а вглубь, совершенствуясь и утончаясь. При этом она вовсе не отказывалась от связи с остальными мирами. Наоборот, она, как пчела нектар, собирала сведения о передовой технологии и культуре со всей Вселенной. Информация была ее хлебом, углем, нефтью. Любое сообщение, с любой планеты она могла материализовать и преобразовать во что угодно.

Далекая, недоступная для землян, она давно уже научилась общаться с другими мирами без непосредственного контакта. На огромные расстояния

через созвездия и галактики посылала она свои сигналы-щупальца, которые не были ни слышны, ни видны и не улавливались никакими приборами. Они проникали в сознание людей и незаметно для них разговаривали с ними, вникали в их дела и проблемы. И вот теперь, узнав об обычных человеческих чувствах, коснувшись простой человеческой любви, они, вопреки своим правилам, вмешались в трагический ход событий и спасли мужа и отца тех, кто приветливо улыбнулся им с маленького старого фото.

"Милые мои, родные женщины, - забормотал про себя Зарумов, - так это вы не дали мне погибнуть, спасли от смерти". Он поднялся на ноги, спрятал в пластиковый пакет фотографию и вдруг почувствовал, что земля под ним задрожала, грунт под подошвами его сапог вздрогнул, заколебался. Неужели, землетрясение? Неужели обитатели этой планеты, посвятившие его в свои тайны, передумали и решили прервать передышку, которую они ему дали только на короткое время, и он все же умрет?

Нет, это никакое не землетрясение, это свершилось удивительное, невероятное, сказочное чудо. Из темной расщелины в скале медленно поднимался целый и невредимый звездолет. Ярko светились его опознавательные огни, вращались навигационные радары, уверенно и гулко работали двигатели. Ура, теперь Зарумов сможет вернуться домой, на Землю!

Он подошел к кораблю, отомкнул люк и забрался внутрь. В нем все было по-прежнему. Также светились индикаторные огоньки приборов, неярко мерцали голубоглазые дисплеи бортового компьютера, мирно горели лампы основного и аварийного освещения. И только два голых металлических остова пустующих рабочих кресел напоминали о происшедшей катастрофе.

Зарумов включил реле готовности пускового комплекса и взглянул в иллюминатор. Светлорозовый Трайкос теперь уже поднялся высоко над горизонтом и его прямые лучи осветили планету нежным молочно-оранжевым светом. Черные тени в низинах и расщелинах почти совсем исчезли, и на их месте в лучах восходящего светила блеснули тысячи перламутровых шариков - мудрых и добрых обитателей этой планеты.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Все дни начинаются одинаково. В семь утра под подушкой громко и назойливо тарахтит будильник, Я протираю глаза, зеваю, задумчиво разглядываю потолок. Потом мои ноги медленно сползают на пол, я потягиваюсь, встаю, делаю несколько рывков руками и иду умываться.

Перелом в утреннем ритме моего дня происходит после того, как я надеваю галстук. Многие не любят галстуков, они давят шею, мешают и вообще стесняют движения. Но меня галстук заводит, как шнурок лодочный мотор. Едва я успеваю затянуть узел на шее, как мои действия становятся непроизвольно более решительными и быстрыми. Я выхватываю из шкафа костюм, одеваюсь, торопливо скребу электробритвой щеки. Потом на ходу заглатываю бутерброд, запиваю чаем и, смахнув обувной щеткой пыль с ботинок, сбегая вниз по лестнице. Затем минутная задержка у почтового ящика, бег по улице, автобус, снова бег, и я на работе.

Здесь у меня свой однотумбовый стол, внутри которого в художественном беспорядке лежат карандаши, фломастеры, кружка для чая и пингпонговые ракетки. Рядом со столом на отдельной тумбе стоит мой компьютер, за ним я в основном и работаю.

Я - невысокий тридцатилетний шатен, у меня сутуловатая спина, очки с диоптриями и комплекс неполноценности, который, правда, проявляется не всегда. Вместе со всеми остальными я подчиняюсь Патрону. У того представительная внешность, большая седоватая голова и безупречная белая сорочка. Каждое утро ровно в 9-00 он появляется в отделе обходит всех сотрудников и с каждым здоровается. Эта "обходительность" начальника некоторым очень нравится, особенно дамам.

Патрон просматривает чертежи, проверяет расчеты и каждому дает ЦУ (ценные указания). Потом почти на целый день, к всеобщему удовольствию, черный мерс увозит его в Главный офис Учреждения, в Министерство, в Банк или еще куда-нибудь подальше.

После его ухода сослуживцы по-одному тоже удаляются из комнаты, кто идет потреться в соседний отдел, кто садится за телефон, а женщины отправляются чесать волосы и языки в туалетную комнату.

В обед мы с Вадимом, моим приятелем, идем в ближайшую кафешку-отравилку и по-мальчишески дурачимся.

- Представь себе, - болтаю я, - присутствуем мы с тобой на заседании Ученого совета Института Обитаемых Миров (сокр. ИОМ) где-нибудь на Альфе Центавра. Доклад делает седовласый босс, альфянин в белоснежной сорочке.

"Многоуважаемые коллеги, - изрекает он, поправляя бордовый галстук под жестко крахмаленным воротником, - сегодня в первом пункте повестки дня обсуждение итогов разработки одной из тем нашего отдела "Управляемых цивилизаций".

Несколько лет назад на небольшой заштатной планете (система Солнца)

мы начали экспериментальные исследования локальной цивилизации низшего порядка. Создав соответствующие атмосферные и климатические условия, мы активизировали на этой планете жизнь биологического типа. Благодаря корректно выбранному масштабу временного моделирования, нам удалось за короткий срок проследить основные этапы развития этого мира. В результате эволюционных процессов на планете из белковых соединений возникли флора, фауна, и наконец, появились разумные существа. Население планеты постепенно освоило природные ресурсы, развило промышленность, средства транспорта и связи. Под нашим наблюдением сменялись поколения, рождались и умирали народы, возникали и рушились государства. Интересно отметить, что о нашем существовании подопытные существа пытались догадываться лишь на ранних ступенях развития, они называли нас "богами". Периодически мы ускоряли или замедляли течение прогресса. Теперь же исследования закончены и, по-видимому, эту цивилизацию следует ликвидировать и подготовить планету-полигон к новым экспериментам.

Щепетильный Вадик недовольно морщится.

- Э-э, брат, что-то ты не то загнул, - наводит он критику. - Такое уничтожение рода человеческого — фи. И вообще, старичок, у тебя, оказывается, дурной вкус. Валяй иначе.

- Ну, ладно, - соглашаюсь я, - пусть будет все иначе. На трибуне перед Ученым советом выступает не белая Сорочка, а алюминиевый Китель.

"Многоуважаемые коллеги! - говорит он взволнованно, затягивая потуже пластиковые шнурки на своей толстой шее. - Я вынужден срочно доложить вам результаты наших работ по теме "Обобщение опыта развития внеальфовых цивилизаций". Информация, которую получили недавно наши гравитационные теленаблюдатели, свидетельствуют о драматических событиях, происходящих во Вселенной в связи с сверхмощной вспышкой новой цивилизации, которая совсем недавно возникла на планете Земля. Мы вынуждены признать, что с учетом громадной разницы в масштабах времени произошел по нашим представлениям гигантский скачок в развитии жизни на Земле. Земляне, о которых еще совсем недавно не приходилось говорить как о разумных существах, к настоящему моменту времени самостоятельно открыли тайны мироздания, овладели энергетическими ресурсами своей планеты и сегодня уже вышли в Космос. Таким образом, в опасной близости от нас образовалась молодая динамичная бурно растущая цивилизация. Наши прогнозирующие устройства предсказывают, что в ближайшее время произойдет распространение землян на другие планетарные системы сначала нашей Галактики, а затем и всей Вселенной. В связи с этим я вношу предложение обсудить вопрос о свертывании всех наших работ и срочной эвакуации в самую отдаленную Антивселенную".

Не успел докладчик закончить последнюю фразу, как ученые Кителю подхватили свои счетно-решающие приборчики и, расталкивая друг друга, в панике бросились к выходу.

Мой друг доволен. Мы оба громко смеемся.

После обеда мы идем на работу по старому тенистому скверу. Низкое

сентябрьское солнце бросает на землю ровные тени стройных тополей и рисует ими на гравийной дорожке полосатую "зебру". Вадим останавливается, закуривает свою послеобеденную сигарету и говорит задумчиво:

- Кстати, к твоему трепу о потусторонних мирах. Могу предложить третью вариацию на эту тему. Но это уже не пародия, как у тебя, а вполне серьезная мистика.

Итак, две разные цивилизации развиваются параллельно, одновременно друг с другом, в одном и том же масштабе времени. Правда, одна из них может на каком-то этапе обогнать другую. Между прочим, именно этот этап мы сейчас и имеем. Не делай глаза и не ворочай челюстью, а слушай эту фантастическую историю двадцатилетней давности.

Однажды кто-то из наших десятиклассников приволок в школу некую загадочного происхождения бумагу с большим английским текстом, кажется, говорил, что его отец привез ее из Штатов, где был в командировке. Наша школа была спецангло, и ребята жаждали настоящих текстов, особенно "оттуда", поэтому все хором дружно взялись за перевод.

Вначале шел довольно беллетристичный, хотя и изрядно потертый даже на то время рассказ из серии "фантастик" о летающих тарелках – вечно модной теме газетно-журнальной и кухонной болтовни.

Грузовой дуглас интендантской службы военно-воздушных сил США выполнял очередной ночной рейс в Европу. Командир корабля дремал на жесткой боковой скамье, когда услышал в салоне самолета какой-то шум. Открыл глаза. Штурман и второй пилот приклеились к иллюминатору и, взволнованно переговариваясь, что-то разглядывали. Справа по борту всего в нескольких ярдах от борта летел непонятный чечевицеобразный предмет. Огромный гладкий серо-голубой, он медленно вращался вокруг своей вертикальной оси и постепенно уходил вверх. Это длилось минут двадцать. Потом предмет стремительно рванулся вперед, резко развернулся и завис прямо перед носом самолета. Пилот бросил машину в крутой вираж, попытался обогнуть предмет сбоку, но тот сразу свернул в ту же сторону. Попытки обойти его сверху или снизу тоже были безуспешны.

- Что за чертовщина! - выругался командир. - Неужели это какое-то новое оружие Советов?

Он в панике бросился к носовой восьмимиллиметровый пушке, навел оптический прицел, зажмурился от страха и послал вперед снаряд. Сначала один, потом второй, третий, четвертый. Однако все они прошли таинственный предмет насквозь, не оставив на нем ни малейшего следа. Самолет сбавил скорость, затем пилот совсем выключил мотор, но и это не помогло - страшилище полетело навстречу. Еще мгновение, и дуглас врезался в него.

Он вошел в его покатую ровную плоскость, как в облако, мягко и плавно. Стало темно, тихо, ноги сами оторвались от пола, стоявшие на столике стаканы и бутылка соды закачались в воздухе - наступила невесомость. И вдруг глухо зазвучал спокойный хрипловатый голос. Медленно, выделяя каждое слово, он произнес на чистом английском языке примерно

следующее:

"Ничего не бойтесь, никакого вреда вам не будет. Это всего лишь голографическое изображение космического зонда. На вашей планете оно материализоваться не может."

Потом самолет с трясущимися от ужаса летчиками благополучно выбрался из тьмы, набрал скорость и лег на свой прежний курс.

Далее бумага содержала довольно сухой и скучноватый текст, который, по правде говоря, нам, мальчишкам, был в то время не интересен, поэтому переводили мы его кое-как, по диагонали. Единственное, что я запомнил, это рассуждение о каком-то неизвестном на Земле диапазоне длин волн, не улавливаемых ни человеческим глазом, ни оптическими, ни телеметрическими приборами, ни какими-либо радарными или радиоперехватчиками. Но именно посредством этих волн можно увидеть тот загадочный параллельный мир, который, якобы, существует прямо рядом с нами. Только потом я понял, какими же мы тогда были идиотами - пропустили мимо своего внимания такой яркий, такой сказочный, такой красивый образ.

Ведь только представь себе, рядом, буквально в двух шагах от нас, вон за тем деревом, или вон возле того дома ходят, бегают, дышат, разговаривают друг с другом некие невидимые нам существа из неведомого нам потустороннего мира. Вот сейчас, в это мгновение, они слушают нашу трепотню, смотрят на нас с удивлением и думают, как мы глупы, что не ищем с ними контакта. Одно только короткое соприкосновение с их удивительной жизнью могло бы полностью изменить всю судьбу человечества.

А они давно уже ищут встречи с нами. Вот уже несколько десятков лет в разных местах Земли обустраиваются участки местности, где при каких-то специальных условиях некоторые люди, обладающие особыми свойствами нервной системы, могут настроиться на нужную волну и увидеть это загадочное Нечто. Там, в этом английском тексте был приведен довольно длинный перечень таких мест, разбросанных по всему свету. Помню, в списках значился какой-то буддийский храм в Пенджабе, большой универсам в Гданьске, речная отмель в Кении и так далее. Единственное место, которое было отмечено у нас, в Подмосковье, это двухметровый деревянный забор из шпунтовых досок с чугунными столбами и железным креплением. Что в нем особенного, чем он отличается от тысячи других таких же заборов, наставленных у нас повсюду, увы, так я и не усёк.

Вот и все, что я тогда запомнил...

Во второй половине рабочего дня все вкалывают. Вадим сосредоточенно стучит по клавишам кейборда своего компьютера. Патрон, только что вернувшийся из Управления, сгорбил над пояснительной запиской к проекту, а я доделываю вертикальную планировку Генерального плана.

По голубой поверхности монитора извилистой линией тянется река, вдоль которой выстроились длинные прямоугольники заводских корпусов. К ним со всех сторон сходятся полосатые полосы железнодорожных путей,

стрельчатые линии электропередач и паутина коммуникационных сетей. В правой верхней части дисплея возле покрашенного зеленым цветом лесного массива расположены косо заштрихованные кварталы будущего заводского поселка.

Я вожу курсором по изрешеченному прямыми линиями Генплану, вычисляю координаты углов поворота спецкоммуникаций, а из головы не выходит рассказ Вадима. Ну, кто мог бы принять всерьез такую чепуховину? Начитавшийся фантастики мальчишка, какая-нибудь экзальтированная девица или чокнутый старик. Но я, я-то, ведь серьезный человек, инженер, вместе со своими сослуживцами решаю судьбу тысяч людей, которые будут жить в новом нефтепромышленном районе и строить будущее по нашим чертежам. Почему же мои мысли все время возвращаются к одному и тому же, почему мои мозги застопорились на этом англосаксонском бреде? Почему?

И вдруг я вспомнил.

Это был очень высокий, очень плотный, очень загадочный зеленый забор. Он был сделан из широких толстых шпунтованных досок, наглухо сбитых гвоздями с крупными вафельными шляпками. Забор отгораживал наш детский мир от всей прочей взрослой цивилизации.

В то время моя жизнь вообще почти целиком состояла из всяких запретов. Мне нельзя было ходить в кино на вечерние сеансы, ложиться спать после 10 часов вечера, вставать раньше 7 часов утра, ездить одному в автобусе, бегать на пруд. Чего только еще я не имел права делать!

Все эти ограничения казались несправедливыми, обидными, однако они были неизбежны и поэтому понятны. Но вот зеленый забор! Его тайна всегда оставалась неразгаданной, непостижимой, вечной. Самые высокорослые прохожие дяди и тети не могли заглянуть за деревянную стену, самые всезнающие знайки не знали, что скрыто "Там". На всем своем протяжении забор нигде не имел ни одной, даже самой крохотной, щели, а его нижняя часть, казалось, уходила глубоко в землю, не оставляя никаких вариантов...

Нас было трое мальчишек, живших поблизости. Обычно, набегавшись и напрыгавшись в бурных играх, мы прижимали к забору свои мокрые потные футболки и, присаживаясь возле него на корточки, цепенели не только от усталости, но и от прикосновения к этому неведомому и таинственному «Ему». Из всех я был, пожалуй, главным утопистом и часто в наших долгих межигровых антрактах выступал в роли автора - рассказчика остросюжетных небылиц, полных динамического драматизма.

Я придумывал фантастические страшилки и ужастики, где причудливым образом переплетались мои "обширные" познания в географии, ботанике и даже в спелеологии со сказочными сюжетами прочитанных мне родителями детских книг. Я видел себя впереди разведывательного отряда, который после долгих поисков нашел потайной лаз в ракитовом кустарнике, росшем вблизи забора. Пробравшись сквозь кусты, мы открывали люк и спускались по крутой каменной лестнице в подземелье. Конечно же, я был впереди. В одной руке у меня был яркий электрический фонарь, как у шахтеров, в другой - автоматическое скорострельное ружье. Спустившись по лестнице

вниз, мы оказывались в начале узкого длинного хода, который вел "Туда".

Мой лучший друг тех времен, Денис, тоже был мечтателем и фантазером. Однако, в отличие от меня, он в своих представлениях был технарем и видел мир одетым в легированную сталь, алюминий и железобетон. Денисов путь "Туда" начинался с оптических и прочих приборов. Его перископы, установленные в специальном бронированном блиндаже, демонстрировали нам яркие расцвеченные всеми красками картины. На большом зеленом поле сверкали в солнечных лучах белоснежные скаты диковинных самолетов и вертолетов, Они были похожи на огромные крылатые ракеты с серебристыми носами-пиками, от которых в разные стороны расходились радужные круги. Это была страна крепостей с батареями дальнобойных орудий и торпедных аппаратов, это было государство ракетных установок, подводных лодок и электронных микроскопов.

Третьим фантазером был Вовка, большеголовый вертлявый пацан, считавшийся у нас большим "воображалой". Однако его выдумки большой романтичностью не отличались. Он был прагматиком, человеком дела. Хотя и обладал не в меру суетливым непоседливым характером. Вовка вечно что-нибудь придумывал, куда-то спешил, всегда был занят. Понаслушавшись наших сказок, он как-то заявил:

- Ладно, братья Гриммы, хватит вам завирать завиралки, давайте дело делать. Значит, так. Женька, самый сильный, пусть станет внизу, Дениска сядет ему на шею, а я влезу Дениске на плечи и достану до самого верха.

С этой программой действий Вовка носился довольно долго, однако, идея медленно "овладевала массами". Нам трудно было переключиться на конкретное дело, которое, как мы подсознательно чувствовали, приземлит Мечту или даже убьет ее.

И все-таки любопытство оказалось сильнее. Стоял теплый июньский вечер, солнце уже шло на посадку, и мы под защитой ракитовых кустов готовили свою экспедицию. После долгих и ожесточенных споров было решено, что операция проводится три раза, с таким расчетом, чтобы каждый участник мог заглянуть "Туда». Вовка, как инициатор всей затеи, выторговал, конечно, себе авторское право первого захода.

...Бывают в жизни такие острые, хотя и кратковременные ощущения, которые не забываются никогда. Мне кажется, я и сейчас ощущаю, как впиваются мне в спину Денисовы сандали, как больно сжимают шею его грязные покрытые ссадинами колени. Я не помню, чтобы когда-нибудь позже мне приходилось испытывать такую большую физическую нагрузку, хотя не раз соответственно возрасту приходилось поднимать куда более тяжелые вещи. Не знаю, сколько минут все это длилось (мне, конечно, показалось, что прошла целая вечность), но, когда я пошевелился, чтобы посмотреть наверх и узнать, что там так долго этот Вовка делает, произошло нечто непредвиденное. Вся наша неустойчивая конструкция вдруг пошатну лась, меня потащило куда-то назад, затем раздался оглушительный крик, и вовкино тело упруго шмякнулось о плотную глинистую землю.

Он сидел, прислонившись к забору, обхватив руками коленку, из которой

текла узенькая струйка крови, а из его глаз капали крупные девчачьи слезы. Мы помогли ему подняться на ноги и проводили домой, поддерживая за руки с двух сторон.

Вовка хромал целую неделю, хотя в ее конце, мне кажется, он больше притворялся. На наши настойчивые расспросы: "Что Там"? - он отвечал односложно: "Ничего Там нет", и вообще вспоминать эту историю не хотел. Он, кажется, даже стал избегать, нас с Денисом и реже выходил во двор гулять.

Однажды мы поймали Вовку возле моего дома и прижали к стене,
- Говори честно, - потребовал я, - ты до верха ведь не до стал?
- Чего вы пристали, - Вовка отстранился от нас, - я же вам говорю: ничего там нет, один пустырь, мусор, свалка.

Он вырвался и убежал. Ну, как мы могли отнестись к вовкиному ответу? Пусть "Там" не будет подземных пещер и туннелей, пусть «Там» не будет ракет и линкоров, но все же Что-то там должно быть. Иначе не может быть, иначе рушится мир, разваливается какая-то его главная суть.

Конечно, мы не могли Вовке верить, не хотели, поэтому не верили. Экспедиция должна была быть повторена, и мы, наверно, осуществили бы ее, если бы не новые поворотные обстоятельства моей жизни. Дело в том, что нам дали новую квартиру в новом доме, и мы уехали из этого пригородного района совсем в другой конец города.

С тех пор прошло много, много лет. Пронеслись годы, прошла целая эпоха. И вот я снова приехал в край своего детства. Вышел из электрички и сразу же попал на продолговатую пристанционную площадь со стареньким краснокирпичным почтамтом в двухэтажном здании. А вот и моя родная знакомая до мельчайших подробностей горбатая улочка, обсаженная кривыми разлапистыми липами. Это был наш район, Нахаловка - частный сектор, с домами, построенными когда-то без разрешения райисполкома.

Я прошел несколько коротких кварталов. Остановился. Что это? Вместо домов - развалины. Обломки бревенчатых стен, обрывки обоев, хлопающих на ветру, рваные листы ржавого кровельного железа.

Сердце мое екнуло - на месте нашего дома тоже были развалины. Я опоздал. Груды обломанных досок, густой слой штукатурной пыли. Кажется, вот здесь была наша комната, вот там стояла высокая пружинная кровать и швейная машина. А рядом была комната бабушки с дедушкой, на стене висели жестяные ходики и стоял большой буфет с бруснично-яблочным вареньем. Мне стало очень грустно, и защипало глаза.

Развалины тянулись по обе стороны улицы. Мой взгляд пробежал по этим остаткам прошлого и вдруг споткнулся о то главное, ради чего я сегодня сюда приехал. Я прошел еще немного и стал, как вкопанный. Среди общего разгрома стоял, как и раньше, наш добрый зеленый Забор. Конечно, он был не таким высоким, не таким плотным и не таким зеленым. Он покосился, в некоторых местах совсем упал на землю. Часть его досок была разбита, кривые поржавевшие гвозди жесткой неровной щетиной

торчали из прогнивших перекладин. И все же забор был, он существовал, назло беспощадному Времени.

Я зашел за него, туда, где раньше был пустырь - мое первое в жизни детское разочарование. Теперь под гуськом подъемного башенного крана здесь поднимался белоснежный корпус огромного многоэтажного дома с ровными прямоугольниками широких окон и длинных балконов. И дальше за ним до самого горизонта росли разнокалиберные кубики и параллелепипеды новостройки. На месте нашей старой одноэтажной Нахаловки строился большой новый микрорайон.

Я повернул назад и направился к развалам прошлого, к старому забору, к разрушенным стенам родного дома. Ну конечно, только здесь, где встретились в пространстве и времени, связались в один узел прошлое и настоящее, детство и зрелость, только здесь и можно оторваться от той маленькой узкой щелки, через которую человеку от роду дано смотреть на мир. Наверно, только здесь можно взглянуть в широкое окно другого времени и другого пространства.

Я подошел к завалам стен и перекрытий и коснулся рукой шершавого остова разрушенной печки с обгоревшей трубой. Неожиданно все вокруг изменилось. Низкое облачное небо опустилось на крыши домов и верхушки деревьев. Потемнело, исчезли очертания строящегося дома, развалин, забора, всех окружающих предметов. Потом откуда-то снизу, из земли, распространился какой-то странный мерцающий свет, с каждой секундой он становился все ярче. В его фантастическом сиянии возник этот яркий красочный сказочный мир.

В нем причудливо смешались разные времена года. Рядом с буйно цветущими багровыми пионами истекал ручьями большой сугроб белого снега, возле поникшей ивы с пожелтевшими листьями зеленел густой куст смородины.

В этом светлом праздничном мире жили почти такие же люди, как и мы. У них были гибкие подвижные фигуры, они летали на разноцветных зонтиках, которые, складываясь, превращались в тоненькие трости. У детей зонтики были маленькие цветастые, у взрослых однотонные: синие, зеленые, коричневые, у стариков - прямые черные. Жили эти люди в небольших лиловых домах-шарах, которые время от времени перекачивались с места на место и останавливались то тут, то там.

С волнением и страхом я приблизился к ближайшему круглому дому, протянул руку, чтобы потрогать его нежную бархатистую стену, но пальцы ничего не почувствовали - они прошли стену насквозь и повисли в воздухе. Я подошел к маленькой овальной двери, хотел открыть ее, но ладонь ни на что не оперлась. Я сделал несколько шагов вперед. Что такое? Дом исчез. Оглянулся - он стоял, как ни в чем не бывало, на том же месте.

Возле куста смородины опустился с зонтиком на землю пожилой человек в сером плаще-накидке. Я бросился к нему, размахивая руками, и крикнул:

- Погодите! Остановитесь!

Он быстро шел мне навстречу, еще секунда, и мы сблизились, столкнулись

друг с другом, но я даже не ощутил его тела. Он как бы прошел сквозь меня и, не оглянувшись, скрылся в лиловом домике.

И тогда до меня, наконец, дошло - вот оно что! Это же все мираж, пустота, голография, изображение далекого мира, существующего не здесь, рядом с нами, а где-то там, очень далеко, в глубинах Вселенной, на какой-нибудь Альфе Центравра.

Все снова померкло. Свет медленно угасал. На темном небе появились наши обычные земные облака и редкие желтые звезды.

- Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени? - вывел меня из забытья тонкий детский голос. Рядом стоял мальчик-прохожий. Что-то неуловимо знакомое было в его худенькой фигуре, удлинённом личике.

- Без пятнадцати десять, — ответил я ему, взглянув на часы, и зашагал к железнодорожной станции.

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Они были одни на всем свете. Не было рядом ни высокого берега, заросшего зеленой густой травой и низкорослым ветвистым кустарником, ни желто-серой широкой полосы длинного пляжа, ни пенящихся волн с белыми гребешками, прибежавших откуда-то издалека. И не было огромного многоэтажного дымного города, глухо шумевшего недалеко за платановой рощей, за высокими скалистыми холмами.

Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, на старом растрескавшемся пне, обросшем мхом и древесными грибами. Ее мягкие прохладные пальцы лежали в его широкой шершавой ладони. Она склонила голову к его плечу.

- Ты любишь меня? - прошептала она, чуть коснувшись его уха губами.

- Очень, - выдохнул он, еще крепче обняв ее за плечи.

Они были одни во всем мире. Вокруг стояла насыщенная ароматом моря ночная прохлада. Черное низкое небо, усеянное россыпями блестящих звезд, колыхалось над ними, двигалось, волновалось,

- Смотри, сколько звезд, - сказала она, закинув голову назад и обняв его за шею.

- А сколько их падает, - он помедлил немного, потом добавил. - Знаешь что? Загадай желание.

- Я хочу, чтобы нам всегда-всегда, всю жизнь было также хорошо, как сейчас. Вон, эта наша с тобой звездочка. Гляди, какая она большая, красивая... И как долго падает, - она счастливо улыбаясь, смотрела на небо, по краю которого медленно плыла яркая оранжевая звезда.

Что-то было необычное в ее неторопливом скользящем падении. Другие падающие звезды быстро, стремительно прочерчивали небосвод, а эта опускалась медленно, осторожно, неуверенно.

Конечно, подобно всем остальным, она тоже падала в направлении горизонта, тоже бледнела, тускнела и, казалось, вот-вот исчезнет совсем. Но вместе с тем эта звезда существовала как-то иначе, как-то по-другому. Она одновременно исчезала и, наоборот, становилась с каждой минутой все больше, все ощутимее.

Трудно, невозможно было объяснить это ощущение, но безотчетный страх вдруг охватил девушку. Какая-то непонятная странная тревога, вроде сильного ветра, ураганного шквала, обрушилась на нее и стала стремительно, неумолимо нарастать, закрутила, понесла. Лоб покрылся испариной, похолодели руки, ноги, тело пробила дрожь.

- Ой, мне страшно! - вскрикнула она, почувствовав на себе

чей-то пристальный пугающий взгляд. - Что-то приближается к нам, все ближе, ближе, уже здесь...

- Ну, что ты, родная, не бойся, я же с тобой, все в порядке, - он крепко прижал ее к себе, обнял.

Но она видела, вернее, чувствовала ЭТО. Оно было огромное, жуткое. Она не знала, что это, не могла объяснить свое состояние. Но ЭТО было, Оно смотрело ей прямо в глаза, даже не в глаза, а куда-то внутрь, в самое сердце, в мозг, в душу.

И где-то на подсознательном уровне вдруг родилась мысль, что она должна выдержать этот страшный парализующий взгляд, она не должна сдаваться, должна смотреть прямо на НЕГО, смотреть, смотреть...

Вспомнилось, в детстве кто-то говорил: если в лесу встретишь волка - надо глядеть ему прямо в глаза, и зверь первый не выдержит взгляда человека, отвернется, отступит, повернет назад.

Но это был не зверь. Это было нечто более свирепое, ужасное, невидимое, необъяснимое. Ничего общего с каким-то там волком, знакомым, понятным, совсем нестрашным, ЭТО не имело. Оно было неосязаемым, невидимым и неслышимым, Оно излучало какие-то непонятные волны, лучи, которые давили, жгли, леденили, сковывали все ее тело, все ее существо,

- Неужели ты ничего не чувствуешь, не видишь? — она вцепилась в руку своего любимого. Почему ты такой бесчувственный? Ну, смотри же, смотри. Вон туда, в сторону моря, или нет... в сторону гор.

Она вдруг поняла, что не знает, где ЭТО находится, откуда Оно смотрит на нее. И от этого стало еще страшнее. Она попыталась собраться, сосредоточиться, найти ответ на мучившие ее вопросы. Только бы не опустить глаза, не сдаться. Впрочем, почему глаза? Нет, она вся должна сопротивляться, бороться, преодолеть ЭТО.

Ах, почему же он, ее родной близкий человек, с которым у нее всегда такое взаимопонимание, который всегда так чутко улавливает любое, даже самое крохотное изменение ее настроения, почему сейчас, в эту необычную страшную минуту он так глух, так слеп и бесчувственен? И у нее нет сил его растормошить, разбудить от этой нелепой недопустимой спячки.

- Ну, успокойся, милая моя, дорогая. - Он крепко обнял ее за талию. - Что же это с тобой происходит? Ты вся дрожишь. Тебе холодно? Давай-ка, я тебя укурю, согрею.

Он укутал ее плечи своей плотной длинной курткой, надвинул ей на голову шерстяную шапку. Но это несколько не помогло. Неужели он не понимает, что от ЭТОГО курткой и шапкой не спасешься?

- Отвлекись ты от своих тревог. Думай о чем-нибудь другом. - Он неторопливо просунул руку в карман куртки, достал сигарету, зажигалку, закурил, глубоко затягиваясь и пуская длинные струйки дыма. - Гляди, мотыльки улетают от табачного дыма. Это мотыльки-однодневки. Подумать только, ведь они живут всего только день - два, и для них это вся их большая жизнь. Они даже не знают, что позавчера был дождь и что на следующей неделе зацветет акация. - Он помолчал немного, потом добавил, задумчиво глядя куда-то вдаль. - Вот и мы с тобой те же однодневки. Живем всего-то ничего по сравнению с горами, морем, звездами. Удивительная она штука это время.

Какой же он все-таки бесчувственный! Так легко, так спокойно рассуждает о посторонних вещах, когда сейчас надо сосредоточиться только на одном, надо понять, что происходит вокруг, почему так тревожно и страшно.

Что делать, что предпринять? Может быть, позвать на помощь, закричать? Но кого? Где-то неподалеку, кажется около холмов, есть спасательная водная станция. Там крепкие сильные ребята, аквалангисты, водолазы, они помогут. Боже мой, какая чушь! Они ничего, совсем ничего не могут. Здесь нужно что-то совсем другое.

И вдруг как-то из-под сознания выплыла еще одна мысль: только их любовь, привязанность друг к другу, их чувства могут сейчас помочь. Надо, чтобы он, ее дорогой человек, тоже увидел ЭТО, почувствовал, как чувствует она. И тогда они будут сильны и защищены от ЭТОЙ опасности. Да не только они - весь мир, изумрудно-зеленая трава, усеянные белыми цветами деревья, темно-коричневые горы и большой шумный, их родной, город за платановой рощей.

- Дорогой, — прошептала она совсем обессиленная, пожалуйста, поцелуй меня. Быстрее. Еще, еще...

Звездолет-автомат-робот № 1932-Н резко форсировал двигатели, выдвинул гравитационную защиту и, выполнив двойной маневр, завис в орбитальном полете над планетой "З". Объективы стереоскопов корабля развернулись для кругового обзора и медленно заскользили по поверхности планеты, внимательно осматривая на ней каждую впадину и возвышенность. Плотные потоки геофизической информации потекли в магазины памяти анализирующего вычислительного устройства.

Планета "З", согласно дбцннской классификации, была маленьким космическим телом, вращавшимся вокруг небольшой периферийной звезды. Она почти целиком состояла из расплавленной каменной массы, и лишь самая верхняя ее часть была твердой и плотной. Но именно эта корка прочных горных пород позволяла использовать планету для размещения на ней очень важного объекта: Космического маяка, который должен был снабжать астронавигационной информацией дбцннские звездолеты, делающие межгалактические рейсы.

Планета удачно располагалась на пересечении нескольких дальних трасс, и ничто не должно было быть препятствием для превращения ее в навигационный объект. Вот для чего в огромных трюмах звездолета-автомата ровными рядами стояли круглые металлические контейнеры-цистерны с азотнокислотным пластифицирующим составом, предназначенным для полной стерилизации поверхности планеты. Убрать все, что хоть как-то могло затруднить работу космического маяка — было основной задачей звездолета-автомата № 1932-Н, посланца Дбцннского Галактического Института.

На корабле господствовала строгая машинная иерархия. Во главе всех служб стоял Командир - управляющее устройство. Он ставил задачи Анализатору, принимал оперативные решения и давал команды Исполнительному и Наблюдательному комплексам.

После обобщения первых сведений о физических параметрах планеты "З" Командир задал главный вопрос Анализатору:

"Есть ли жизнь на планете?"

Ответ последовал однозначный:

"Суровые геологические и климатические условия наличие жизни исключают".

Командир дал команду изменить траекторию полета. Звездолет перешел на другую сниженную орбиту, и видеофоны опять забежали по поверхности планеты. Новые порции более подробных сведений поступили в анализирующее устройство. Они наложались на предыдущие, столкнулись с ними, где-то заместили их, где-то легли рядом. И вдруг на новый запрос Командира Анализатор ответил:

"Есть жизнь. Низшие формы."

Командир сверился с Программными блоками, оценил обстановку и скомандовал:

"Разведочный зонд в работу."

От звездолета отделился большой круглый аппарат с сотнями объективов, щупов и манипуляторов, размещенных по всей его поверхности.

Повисев некоторое время в верхних слоях атмосферы, он выбрал зону исследований, провел мелкомасштабную съемку района посадки и пошел на снижение. Через некоторое время зонд приземлился на небольшой ровной площадке, окруженной со всех сторон плотной стеной темно-зеленых широколиственных деревьев.

Стереоскопы заскользили по неподвижной мозаичной зеленой массе, прочерченной угловатыми линиями светлокориновых веток. Строчка за строчкой полетела новая информация на корабль:

«Древесная растительность со стеблевидными органами, поглощает углекислоту, производит кислород...»

На мгновение поток информации прервался - в приемное устройство поступило непонятное наблюдение: флора проявила способность к движению, листья заколыхались, закрутились. Что это было, внутренние силы, разумная жизнь? Нет, это просто дул ветер.

Снова забежали стереоскопы по глухим лесным чащобам, по травянистым ромашковым полям. И вдруг снова - стоп. На опушке леса появилось живое существо также биологического типа - четыре подвижные суставчатые опоры, удлиненное туловище, опущенная вниз голова.

Зонд сделал несколько резких движений, изменил цвет своего покрытия, потом послал ряд звуковых, световых и электромагнитных сигналов. Но животное на все это никак не среагировало. Оно лишь на мгновение подняло голову, с полным безразличием посмотрело в сторону незнакомого предмета и, неторопливо повернувшись, пошло к лесу, не проявляя больше никакого интереса к инопланетному аппарату и к его сигналам.

После этого с корабля поступил приказ:

"Перейти к обследованию прибрежной зоны".

Зонд поднялся в воздух, сделал несколько больших разведочных кругов и полетел к морю. Внизу расстилалось высокое горное плато, покрытое густыми лесами, прочерченными извилистыми нитями рек и разорванными неровными пятнами озер. Возле широкой прибрежной полосы горное плато сменялось длинным уступом, заросшим травой и кустарником. Зонд сделал плавный вираж, развернулся по курсу и быстро пошел вниз.

У моря было голо и пусто. Песчано-галечная пляжная отмель ровным пологим откосом уходила под набегающие на нее волны. Только их монотонные однообразные всплески нарушали ночную тишину.

Но вот широкоугольные объективы зонда задвигались, следуя за новым неожиданным объектом: небольшой летательный аппарат появился над морем. Он размахивал длинными изогнутыми крыльями, издавал звуки высокой частоты и что-то выискивал в морской воде. Ни на какие сигналы он не отвечал.

Следов разумной жизни пока не обнаруживалось. И вдруг индикаторы зонда, настроенные на улавливание слабосильных энергетических полей, активно заработали. Все измерительные приборы, датчики, манипуляторы, все приемные и передающие устройства насторожились, пришли в полную рабочую готовность.

Откуда-то со стороны, из-за кустарника, распространялось необычное рассеянное излучение. Это были волны разной длины и частоты, которые шли сначала непрерывным потоком, потом прерывались, появлялись вновь. Ни одно из размещенных на зонде опознавательных устройств не могло расшифровать эти сигналы и давало сбой на первых же ступенях исследования.

Что это за новый вид энергии, какого он состава, какого происхождения? Подчиняясь команде оперативной Подпрограммы, разведочный зонд покрыл себя экраном, невидимым в диапазоне волн всех ставших известными ему излучений планеты "З". Затем он взлетел, сделал несколько обзорных ультравидеоснимков местности и после долгой настройки аппаратуры поймал наконец эпицентр излучения.

Его источником было биополе небольшой интенсивности и размеров. Оно находилось на пляже за устьем широкого ручья, обросшего кустами, и принадлежало двум странным живым существам, которые сидели у моря на старом срезе дерева и время от времени обменивались друг с другом крупными порциями этой самой энергии. Одно из этих существ обладало большим биополем, и передавало его другому. Сливаясь воедино они образовывали вместе довольно сильный источник излучения.

Непонятен был и такой факт: биоволны нигде здесь у моря не прерывались, не исчезали и шли далеко вдоль береговой зоны, уходя куда-то за лес. Надо было продолжать исследования.

Разведочный зонд поднялся выше, изменил плоскость наблюдения и, развернувшись по азимуту, направился вслед за потоком биоэнергии. Он пролетел над грядой крутых скалистых холмов, над большим массивом густого высокого леса и вышел к широкой морской террасе, окаймленной

полукруглой ступенчатой стеной гор. Сразу же за лесом к ним прижимались вытянутые кверху стройные каменные коробки, амфитеатром спускавшиеся к морю.

Десятки тысяч прямоугольных, пирамидальных, цилиндрических сооружений образовывали длинные улицы, освещенные многочисленными гирляндами столбчатых светильников. Кое-где между зданиями двигались такие же живые существа, как и те, которые остались за лесом у моря. Они то появлялись из своих каменных жилищ, то исчезали в них, некоторые использовали для передвижения удлинённые плоские устройства на колесах. Другие что-то передвигали, поднимали, строили.

А где-то неподалеку от этого лежал еще один город, поменьше, за ним третий, четвертый, пятый. Все побережье было застроено и заселено большими колониями быстрых подвижных живых существ, которые, по-видимому, и были истинными хозяевами планеты.

Разведочный зонд закончил исследование, поднялся на исходную орбиту и вернулся на звездолет, где возник решающий диалог между двумя главными машинами корабля.

Командир:

"Чем объяснить, что слабые существа, состоящие из органических тканей могут существовать, выживать и даже создавать цивилизацию в этом их неустойчивом мире, раздираемом землетрясениями, вулканами, магнитными бурями, штормами?"

Анализатор:

"Вот новые результаты хронометрологического анализа. Они дают исчерпывающий ответ: время на планете "З" идет иначе, чем у нас. Хроноускорение здесь таково, что один дбцнский час соответствует ста годам "З"-кого времени. Поэтому жители планеты не замечают сильных тектонических толчков и разрывов каменной коры, через которую прорывается раскаленная магма. По их представлениям серьезные катаклизмы случаются крайне редко. Во всяком случае в промежутках времени, проходящего между такими катастрофами, десятки и сотни их поколений успевают прожить свою жизнь, ничего так и не заметив."

Командир:

"Ясно. Итоговый вопрос: какие ликвидационные меры следует использовать до азотнокислотной обработки поверхности планеты?"

Анализатор:

"Здесь применимы средства уничтожения обычного типа, ничего специфического наш анализ не показывает."

Командир:

"Но есть еще биоизлучение обитателей планеты".

Анализатор:

"Это хронобиологическое поле существует лишь в узком временном диапазоне. Мы материализуем его и уничтожим."

Командир:

"Исполнительному комплексу подготовиться к работе по Программе № Н-1932. Пустить в действие деструктирующее излучение спредварительным его опробованием на отдельных индивидуумах - жителях планеты."

В днище корабля открылся люк, из него выдвинулся лучемерный монитор. Наводящий визир пробежал по рябой поверхности моря и вышел на пологий береговой откос. Потом он пошарил по пляжной полосе, проскользнул по лесному платановому массиву, перескочил через кустарник и вышел на Цель...

Он обнял ее, поцеловал. Как уютно, как безмятежно и спокойно она обычно чувствовала себя в его объятиях. Теперь же было совсем не так. Его большая спина с широкими плечами ни от чего не отгораживала, не защищала, его крепкие руки не поддерживали. Он казался каким-то вялым, слабым, безвольным. Из них двоих теперь только она была сильной и решительной, теперь она отвечала за них обоих и за их будущего третьего, за всех, за все.

Она крепко сжала его пальцы и встала, потянув за собой. По небу плыли мохнатые обрывки черных рваных туч, с моря дул резкий порывистый ветер, бросавший в лицо холодные колющие капли редкого дождя, перемешенные с солеными морскими брызгами.

И вдруг каким-то непостижимым образом, буквально краешком сознания она увидела, почувствовала ЭТО. Наконец-то! Оно обрело реальность, стало по-настоящему ощутимым, видимым. Вот, еще мгновение, и она уловила его образ.

Оно было лучом. Узким, искрящимся оранжевым лучом. Он упал сверху, с неба, проскользнул по поверхности моря и стал шарить в платановом лесу, зажигая верхушки деревьев ярким ядовито-желтым светом. Потом луч выскочил на опушку, потоптался на круглых кочках, заросших высокой травой, перепрыгнул через неровные ряды старых замшелых пней и выбежал на пляжную отмель. Острые оранжевые языки пламени вспыхнули над камнями и галькой, мертвенно-бледное серое свечение покрыло песок. Потом луч расширился, превратился в толстый бесформенный столб и медленно двинулся на людей. Все ближе, ближе...

- Нет! Нет! - вскрикнула она в ужасе. - Нужно бежать. Быстрее, быстрее.

Хотя куда бежать? В горы? Нет, они не помогут, они далеко. Домой, в город, к людям? Туда тоже не добежишь, не успеешь.

- Не надо, милая, успокойся, - он снова обнял ее за плечи. - Все хорошо, все в порядке. Не бойся ничего, я с тобой, мы вместе. И это самое главное.

Что же такое происходит? Неужели даже теперь он по-прежнему ничего не чувствует, ничего не видит и не слышит? Но, может быть, это не он, а она ошибается, и в действительности вовсе ничего и нет, и все это только галлюцинация, сон, сумасшествие?

Она крепко зажмурила глаза, но сквозь веки еще явственнее увидела, как

неумолимо приближается, подступает к ним смертоносный страшный луч.

Впрочем, теперь это уже не луч и не столб. Это целая стена, огненная, брызжащая большими острыми искрами и рваными хлопьями пламени. Она постепенно придвигается к ним все ближе и ближе, захватывая все живое на своем пути.

Вот и рой нежных игривых мотыльков, так недавно улетающих от сигареты, ничего не заметил и врезался прямо в огонь, сгорел в нем, растаял, исчез. А вон чайка в небе. Она тоже приближается к смертельной преграде. Стой, глупая птица, остановись! Не маши так стремительно своими сильными гибкими крыльями. Чувствуешь, что несет тебе навстречу ветер? Запах гари, тлена. Не лети туда, поверни назад, поближе к горам. Ты ведь можешь, у тебя такие быстрые крылья. Нет, она тоже ничего не видит, белая красавица чайка. Вот и последний рывок ее стройного упругого тела. Оборвался легкий стремительный птичий полет, только несколько опаленных перьев закружилось над морем, медленно опускаясь на воду.

Совсем уже рядом - гибель, смерть.

Но вдруг она почувствовала, что-то вокруг нее и в ней самой изменилось. Потускнели краски, приглушились звуки, ослабели запахи. Напряжение стало спадать, и весь тот ужас, который только что ее так волновал, отодвинулся куда-то в сторону. Все окружающее поблекло, отошло за какую-то странную полупрозрачную стену, которая с каждым мгновением становилась все больше, плотнее и, наконец, совсем скрылось. Сплошная сферическая поверхность куполом нависла над головой, отгородила от всего света.

Стало как-то тихо, спокойно, мирно. Перед глазами побежали чьи-то лица, близкие и чужие, знакомые двухэтажные деревянные дома, заснеженный горбатый переулок. А вот и она сама, первоклашка, с коньками на белых ботинках, в длиннополой зимней куртке и шерстяной шапке-вязанке.

Сфера стала вращаться, растягиваться, наполняться новыми запахами, звуками. Растянулось и время. Горбатый переулок выпрямился, расширился, превратился в просторную ровную улицу. Низенькие домики частного сектора сменились белоснежными многоэтажками. А это их дом-башня. Возле подъезда бурно цветет акация, косо подстриженные кусты нависают над крашеной деревянной скамьей. Вот и он, ее любимый человечек, стоит рядом, и глаза его смеются, радуются, любят. Он протягивает к ней руки и зовет:

- Иди сюда! Я давно уже жду тебя здесь.

Но что это? Его лицо вдруг бледнеет, расплывается. Дома, улица, кусты, все растворяется в густом белом тумане. Потом и он рассеивается, растекается в разные стороны. Вокруг все по-прежнему. Пляж, море, горы, небо, звезды. Но где же ее любимый? Он исчез.

Встревоженная, она вскочила на ноги, оглянулась. Его нигде не было. Яркие сполохи желтого огня бушевали далеко в стороне, за ручьем. Неужели враг направляется к городу? Какой ужас: теперь гибель грозит еще и ее близким, родным, всем, всем.

Она побежала. Рыхлый песок расползлся под ногами, ветки кустарника до крови царапали руки, лицо. Она споткнулась о камень, упала, больно ушибла ногу. Что делать, где взять силы? Ей нельзя расслабляться, распускать нюни. Надо заставить себя встать, собрать всю свою волю, ошетиниться. Она поднялась на ноги, шатаясь, сделала несколько шагов и, преодолевая боль, снова побежала.

Вот и ручей. Он глухо рокошет между камнями, ворочает серую гальку. Одинокий куст опустил ветви в быстрое течение пенящейся воды. Еще издали она увидела его. Он лежал на спине, запрокинув голову и раскинув ноги. Куртка, зажатая в правой руке, свешивалась в воду, шапка валялась рядом. Она подбежала к нему, склонилась над его головой. Милый, дорогой! Дышит. Значит, жив, еще жив...

В этот момент стена за ручьем зашевелилась, меняя форму и величину, повернулась к людям прямым острым краем, вытянулась в длину и выплеснула перед собой пригорошни желтого огня. Потом она совсем изменила обличье: свернулась снова в луч, в острое огненное копье, пику и, разбрасывая вокруг себя брызги сверкающих искр, ринулась вперед.

Не подпустить, остановить! Она бросилась наперерез приближавшемуся врагу, вытянула руки и вдруг кончиками пальцев ощутила перед собой уже знакомую ей полупрозрачную гибкую завесу. Она потянула ее на себя и, не удержавшись на ногах, упала. Большой сферический купол накрыл их сверху и, как в прошлый раз, быстро уплотнился, отвердел, окреп.

Удар последовал тут же. Оглушительный грохот потряс все вокруг, ослепительное пламя взметнулось вверх. Огненный луч сломался, раскололся на куски. Его обломки свалились на землю, сникли, поблекли и торопливо поползли к морю. Они зашипели в воде и упали на илистое дно, исчезнув в нем навсегда.

Он открыл глаза и посмотрел на нее долгим непонимающим взглядом. Потом восторженно, попытался приподняться на локтях, но не удержался и упал снова. Сил у него совсем не было. Она обняла его, поцеловала.

- Родной ты мой, очнись, встань.

Он опять приоткрыл глаза, узнал ее, улыбнулся.

- Я же хотел увести его от тебя подальше, - прошептал он, чуть шевеля губами, - но сил нехватило, я потерял память, сознание.

«Так, вот оно что, - подумала она. – Оказывается, он тоже все знал и чувствовал, также, как она. Только не хотел ее пугать, хотел уберечь от страха, паники. На самом деле, они всегда были вместе. И только поэтому победили».

- Ничего, ничего, милый, все уже хорошо, все прошло, все кончено, - она заплакала и протянула руку, пытаясь нащупать только что спасшую их завесу. Но ее не было.

Рядом шелестели листья приземистого куста, у самой воды шуршала галька, перекачиваемая морской волной, и где-то совсем близко, за платановой рощей, шумел их родной город.

А над головами низко нависало черное бархатное небо с крупными ярко мерцающими звездами. И одна из них, маленькая оранжевая падающая звезда медленно скользила по краю небосвода, уменьшалась, тускнела, пока совсем не ушла за бледнеющий горизонт.

Г Л О Б О С

Они вышли из дома раньше назначенного времени. Перед ними была Америка, одноэтажная и небоскрежная, тихая и шумная, разноголосая и многоцветная. Она шелестела листвою вермонтских лесов и грохотала поездами нью-йоркской подземки, розовела скалами Большого каньона и сверкала яркими огнями Лас Вегаса.

Они шли рядом друг с другом, болтали на разные темы, обсуждали последний футбольный матч, новую кинокартину, а больше молчали, каждый думая о чем-то своем.

Мысли Стариона крутились вокруг былых событий проходившей жизни, вокруг утекших лет, вокруг радостей и горестей сегодняшнего дня. Он был одинок, как бывают одиноки старики, давно потерявшие своих жен. Сын? Тот был далеко, хотя и был близко. Он жил своей семьей, своими делами, своей жизнью. Навещал отца? Увы, даже не звонил.

Взять, хотя бы, последнюю неделю – за семь прошедших дней не удосужился даже ни разу позвонить. Старион ждал до среды, а в четверг решил: ну, ладно уж, чего там, сам позвоню, не переломлюсь. И позвонил сыну на работу, а в ответ услышал:

- Сейчас никак не могу говорить, у меня люди. Я тебе вечером из дома позвоню.

И он сидел перед мертвой безмолвной коробкой, смотрел на черные глухонемые цифры и ждал, ждал. До 9 часов вечера, потом до 10 и 11, глаза уже слипались, а звонка так и не было. И бессонной ночью он снова и снова пережевывал мысленную жвачку.

А ведь понимал, что обижаться на сына пустое дело. Все равно, что злиться на свою спину за ее сутулость или на свой нос за его кривость. Но никакие самоуговоры не помогали, и Старион все грустил, печалился, тосковал.

Но вот сквозь пелену печали, сквозь мрак грусти пробился яркий луч света. Он зажег веселые огоньки в его глазах, растянул губы в улыбке, распрямил плечи. Этим «светом в окошке» был повившийся вдруг в его жизни внук. Маленькое нежное существо заполнило всю Старионовую жизнь. Не было ничего важнее, чем посидеть у его постели, помочь помыться, поесть, отвести в детский садик, взять из школы.

А какая была радость пойти с мальчиком в зоопарк, в цирк, покатать его на пони или хотя бы покачать на качелях в городском парке. Как хорошо было снова ощущать себя востребованным, нужным.

Но, увы, быстро пролетело время. Внук вырос, изменился. Он уже не просился, как раньше, на руки, перестал, затаив дыхание слушать сказки Пушкина, на уличном переходе вырывал руку из дедушкиной ладони.

А главное, у мальчика появились новые, свои собственные, интересы, столь отличные от тех, что были прежде. Он уже с неохотой садился с дедом собирать игрушечный звездолет и не рвался идти с ним на детскую

площадку. Вот и сегодня Старион с трудом уговорил внука провести вместе этот важный для всех день.

В отличие от деда голова Мальчиона никаких грустных мыслей не прокручивала. Вернее сказать, в ней вообще никаких мыслей не было. Только какие-то мимолетные мыслишки и мелкие сиюминутные желания. Например, в данный момент он хотел, чтобы дед свернул с дороги в сторону Лас Вегаса.

- Ты же обещал мне показать новые шоу, - сказал он. - Я, кажется, целых три еще не видел. Говорят, они очень интересные.

Дед остановился, достал из кармана информационник, нажал кнопку, посмотрел на часы - было уже почти 11.

- Ого-го, сколько времени! - воскликнул он. - К сожалению, мы ни в Диснейленд, ни в Лас Вегас не успеваем. Придется идти прямо в Обсерваторию, иначе опоздаем. - Старион извиняюще взглянул на внука, потрепал его по волосам и прибавил шаг.

- Ты же обещал, что мы куда-нибудь сходим в этот день, - захныкал Мальчион, - Ты же обещал.

- Мы и пойдем, обязательно пойдем. Только после Этого. Не обижайся, ладно? - дед ласково обнял внука за плечи и быстро потянул за собой.

Они шли по большому пешеходному траку, где постепенно стало появляться все больше и больше народа. Люди выходили из домов, поднимали головы вверх, потом взглядывали на часы и торопливо направлялись к дороге. Все шли в одном направлении - туда, где должно было произойти Это.

Старион тоже время от времени внимательно смотрел на небо, плотно затянутое густыми темными облаками. Впрочем это было не небо. Это был потолок, прозрачный пластиковый колпак, отделявший рукотворный мир людей от враждебной стихии страшных газовых бурь и диких пылевых смерчей, бушевавших в безжизненной атмосфере Глобоса.

Он прилетел сюда, на эту планету, с одной из последних строительно-монтажных экспедиций, когда основные работы по обустройству колонии были уже позади. В течение десятков лет вместе с другими колонистами Старион обихоживал и обживал новую Землю. Это была тяжелая трудоемкая работа по преобразованию безжизненной поверхности мертвой планеты в почти настоящий шар Земной. На ней появились такие же моря и реки, горы и леса, страны и города, как на Земле. Была воссоздана земная атмосфера, земное притяжение, земной климат, при этом неодинаковый в разных частях планеты. Все делалось для того, чтобы прибывающие на Глобос колонисты чувствовали себя здесь как дома. Так, русские, приезжая в Новую Россию, поселялись в домах с видом на Волгу, канадцы могли по-прежнему любоваться Ниагарским водопадом, а жители Нового Рио-де-Жанейро подниматься к висящему над городом гигантскому Христу.

Африка, Австралия, Евразия, Америка, Северный и Южный полюс - целый земной глобус был воссоздан на Глобосе. Отсюда и название. Правда, из-

за меньших по сравнению с оригиналом размеров все на новой Земле оказалось уменьшенным и сжатым по высоте и ширине. Причем, настолько, что, например, от Нового Лос-Анджелеса до Нового Нью-Йорка неторопливым шагом можно было дойти всего за пять-шесть часов.

О том, как создавалась колония землян, Старион многократно с подробностями рассказывал своему внуку, но тот каждый раз слушал его вполуха. Для него это была всего лишь одна из тем школьного учебника, за которую не хотелось получить двойку на уроке глобографии. Он здесь родился и вырос, для него все окружающее было своей, привычной, родной природой. Ему и в голову не приходило задумываться над тем, что окружавшие его горы и леса, холмы и перелески были сделаны не из настоящих, а искусственных материалов.

Ничего другого он никогда не видел. Ему ни разу не приходилось ощущать, как горит лицо на зимнем морозном ветре и облезает кожа под палящими лучами летнего солнца. Он никогда не видел алых облаков на закате солнца и мерцающих звезд на ночном небе. Хотя нет, неправда, он видел их. Но только на экране, на дисплее, на мониторе или на книжной бумаге и живописном холсте.

- Ты же обещал, деда, - снова заканючил Мальчион, - давай, все-таки пойдем сначала в Лас Вегас. А потом уже на Это твоё представление. Успеешь ты Его посмотреть.

- Никак нельзя, Мальча, - дед снова нежно прижал внука к себе. - Мы ведь ждали Этого уже несколько лет. Разве можно пропустить? Если пропустим, придется опять долго-долго ждать.

- Ну, и что? - не унимался внук. - Не будешь ты ничего ждать. Подумаешь, какое дело, посмотришь потом на экране, не один раз будут всюду показывать. Или возьмешь у кого-нибудь видеомем. Если хочешь, вместе посмотрим.

- Конечно, - снова стал объяснять Старион, - можно посмотреть и позже. Пойманное сегодня изображение никуда не денется. Но ведь это будет только образ. Вживую посмотреть на Землю можно только сегодня, и только в полдень. Именно в этот момент раздвинутся облака Глобоса и Главный телескоп выхватит из Космоса кусочек мироздания с нашей родной Землей. Это же так здорово! Ты сам почувствуешь.

- Все равно, это будет тоже изображение, - не унимался Мальчион. - Телескоп покажет ту же картинку, которую ты потом сможешь у себя дома разглядывать сколько хочешь.

«Какой умный и развитый мальчик, - подумал дед. - Так хорошо во всем разбирается, так много знает и понимает».

Но как ему объяснить, что сегодня произойдет не простое, а особое Событие? Что это будет не обычное астрономическое наблюдение за Землей, а специальный, долгожданный, сеанс встречи с ней. Сегодня соберутся ветераны колонии, чтобы всем вместе увидеть родную Землю, понастальгировать, вспомнить былое. Нет, внуку этого не понять. Только тот, кто прожил жизнь, может почувствовать тоску по тому, что было близко и дорого с детства. Только у того, кто понимает, что ему никогда-

никогда не дано вернуться, щемит глаза и ноет сердце.

- Если бы я знал, что ты меня обманешь, - продолжал капризничать Мальчион, - ни за что бы с тобой не пошел.

- Как тебе не стыдно, - укорил внука дед. – Когда это я тебя обманывал? Ты же знаешь, я для тебя ничего не пожалею. И сегодня тоже – вот только закончится Это и пойдём с тобой в Диснейленд. Разве я отказываюсь от своего обещания? – Старион посмотрел вдаль и добавил: - Ну вот, мы уже пришли, вон обсерватория уже видна. Совсем близко.

Впереди за развилкой дороги показалось большое синее здание из стеклометалла. Со всех сторон к нему шли люди, время от времени они останавливались, задирали вверх головы и внимательно вглядывались в темно-серую поверхность пластикового купола.

Старион с мальчиком тоже вошли в здание. Они поднялись на лифте к выходу на крышу и оказались в открытом сверху просторном круглом зале, сплошь уставленном стойками с длинными тубусами-окулярами. Каждый такой наблюдательный прибор был толстым видеокабелем подключен к большому общему Главному радиотелескопу, нацеленному на клубящиеся над головой темные облака. Именно на полдень сегодняшнего дня выпадал этот редкий случай счастливого совпадения наибольшей близости Земли к Глобусу и обещанного Бюро прогнозов разрыва облаков в этом районе планеты.

Возле индивидуальных телескопических устройств толпились группы людей, в основном пожилых. Это были бывшие рабочие, инженеры, строители, монтажники - эмигранты первой волны, основавшие когда-то эту далекую колонию. Они еще помнили, как пахнут весной липы Подмосковья, и как стучит дождь-проливняга по крышам Лондона. Они давно не виделись и теперь, встретившись, обменивались рукопожатиями, хлопали друг друга по плечу, обнимались и целовались. Потом подходили к накрытым для них столикам и брали себе кто чашку кофе, кто кружку пива. Громкий гул голосов заглушал размеренный стук больших настенных часов, обратным счетом показывавших сколько еще осталось минут до Того момента.

Еще издали Старион увидел своих старых друзей и направился к ним, таща за руку недовольного внука. Но тот тоже заметил своих сверстников, крутившихся возле игровых автоматов, среди них были и его одноклассники.

- Деда, - повеселел Мальчион, - можно я пойду поиграю с ребятами? - спросил он.

- Хорошо, но только так, чтобы я тебя видел. Далеко не уходи.

Мальчик быстро убежал, а Старион, присоединившись к группе пожилых колонистов, сразу же погрузился в дружескую атмосферу легкого трепы, в котором обсуждение последних новостей беспорядочно перемешивалось с воспоминаниями о прошлом и спорами о предстоящих выборах в Совет колонии. Чем больше проходило времени, тем все чаще друзья отрывались от беседы, поглядывали на стенные часы и всматривались в облака над головой.

Наконец, часовые стрелки начисто выстригли циферблат и соединились на цифре «12». Шум в зале почти совсем стих, кружки говорунов распались, и каждый из них приблизился к своему наблюдательному прибору. Воцарилась тишина, прерываемая лишь редкими глухими покашливаниями.

Шло время. Первые быстрые минуты сложились в недолгую пятиминутку, а та сначала неторопливо, а потом все медленнее и медленнее стала подтягиваться к 10, потом к 20 и 30 длинным и нудным минутам ожидания. Задрав головы, люди пристально, до боли в глазах, всматривались в плотную тьму облаков, с тревогой и надеждой выискивая в их черноте хоть какую-нибудь прогалинку.

- Глядите, глядите, - зазвучали вдруг чьи-то взволнованные голоса, - вон там на юге, смотрите! Кажется, там появился просвет!

Все бросились к наблюдательным приборам, прильнули к окулярам. Но сразу же в разных концах зала холодным душем посыпались отрезвляющие объяснения:

- Ничего это не просвет – просто след от луча телескопного прожектора.

Снова потянулись они, эти нудные минуты томительного ожидания. Только через час щелкнул динамик громкоговорителя, и на большом экране, где должно было появиться долгожданное изображение пейзажа с Земли, возникло крупное усатое лицо директора Бюро Прогнозов. Оно было очень хмурым и очень озабоченным.

- Я вынужден всех нас огорчить, - сказал директор, нервно перебирая лежавшие перед ним бумаги. – Наш долгосрочный прогноз погоды в этом районе планеты оказался неверным. Он основывался на уверенности в образовании здесь газовой воронки с центробежными силами растягивания. Они должны были разорвать облачный слой атмосферы, создать окно для визуальных исследований и прямых оптических наблюдений. Но, увы, этого не произошло. Неожиданно с северо-запада сюда передвинулись большие массы газов, сформировавших обширный устойчивый циклон с плотной малоподвижной облачностью.

Мертвая тишина нависла над головой. Глухая тягостная тишина. Грусть, печаль. Лишь тихий шепот-ропот слабой волной прокатился по притихшему залу. Вслед за этим все зашевелились, заохали, заахали, откуда-то донеслось женское вхлипывание:

- Я так надеялась на встречу с дочкой, - заплакал старушечий голос, - хотела внуков увидеть, могилу мужа, свой дом родной.

Эти причитания перекрыл сердитый мужской бас:

- Что за дела такие? Почему ошиблись, почему просчитались, не доглядели? Чем раньше думали?

Ему откликнулся другой голос, еще более резкий и возмущенный:

- Это безобразие! Почему так плохо работает служба погоды? Неужели, теперь снова следующей связи с Землей придется ждать много лет?

Безучастный ко всему Старион стоял у стены, опустив голову и ссутулив

плечи. Как обидно, именно сегодня в день смерти матери, он так надеялся, хотя бы виртуально, побываать на ее могиле.

Потом он почувствовал, как что-то мягкое и теплое прижалось к его локтю. Мальчион, внучок, хорошо, что ты есть. Он притянул к себе внука, обнял. А тот приник к нему, ласково и нежно, как когда-то в его малышовом детстве.

- Не горюй, деда, не грусти, увидишь ты еще свою Землю, - сказал внук и, достав с ящичка на стене бумажную салфетку, протянул деду. - И не плачь, не надо.

Старион вытер набухшие слезами глаза и направился с внуком к лифту. Они спустились вниз, вышли на улицу и направились в сторону дороги. В это время на поясе Стариона зазвонил мобильник.

- Привет, папаня, - услышал он голос сына. - Я знаю об этой досадной промашке Бюро прогнозов. Но ты не тушуйся, держи нос морковкой. Наша контора по программе «Искусственный климат» разрабатывает пушку для разрыва газовых облаков. К седующему сеансу связи с Землей она должна быть готова.

- Спасибо, сынок, - ответил Старион и, оглянувшись вокруг, сказал себе: «Действительно, чего это я нос повесил? Ведь еще не вечер.- Потом подумал и добавил: - Тем более, и не ночь».

МУРАВЬИ

Натрудившееся за день утомленное солнце упало на жесткую подушку серых облаков и ушло на ночлег куда-то далеко за почерневшую кромку лесного массива.

Сергей Кузьмич вышел из дома, сладко потянулся и расправил плечи, согнувшиеся под весом младшего внука. «Тяжелеет мальчишка», - подумал Сергей Кузьмич и устало опустился на деревянную скамейку, прислоненную к стене.

Дом его дочери стоял на опушке леса, дышавшего влажной свежестью и хвойным ароматом. Этот сосново-елочный рай резко отличался от его оренбургских степных перелесков, слабо сопротивлявшихся свирепой летней жары. От нее Сергей Кузьмич и удрал сюда в спасительную архангельскую прохладу. Правда, днем особенно долго наслаждаться ею не удавалось – все время уходило на внука.

Сергей Кузьмич откинулся на спинку скамейки, вытянул ноги и положил пятки на стоявший рядом камень. Хорошо!

Хотя, конечно, этот лес ни в какую не мог сравниться со снящимся по ночам сосновым бором его смоленского детства. Но здесь тоже на полянках в пожухлой траве золотились головки прижимающихся друг к другу рыжиков, и на опушке чернели мясистыми ягодами колкие ежевичные кусты. А над кронами деревьев весело гонялись друг за другом быстрокрылые синицы, и суетливые белки прыгали с ветки на ветку.

Однако, никто из них так не вкалывал целый день, как эти маленькие черные муравьи-трудолюбивцы, сгибавшиеся под тяжестью своих непомерных нош. Куда и зачем тащили они все эти травинки, хвоинки, кусочки листьев, комочки земли?

А-а, вот что было их домом, их крепостью, их городом, их страной. Большой муравейник прижимался к стволу высокой развесистой сосны. Геометрически правильной пирамидой с ровными треугольными гранями-стенками высился он над всеми кротовыми бугорками, мышиными норками и прочими следами зверьковой и насекомовой жизни. Почему с заходом солнца так заспешили муравьишки в свой дом, кто их там ждал, какие тайны хранились за его стенами?

Но вот уже почти совсем стемнело. Синицы перестали кружить над деревьями, белки уgomонились, и за последними муравьями наглухо захлопнулись ворота их города. Мир умиротворился.

«Надо и мне на покой собираться», - подумал Сергей Кузьмич, зевнул, потянулся, развел в стороны руки. Но вдруг будто что-то толкнуло его в бок. Он повернулся к лесу и замер от удивления: там, где только что заходило солнце, опять появился свет. Сергей Кузьмич протер глаза, но ничего не изменилось - горизонт становился все ярче и золотистее. Неужели уже утро, неужели пришло время рассвета? Но почему с запада? А, может быть, это луна?

Вопрос повис в воздухе... над дальней кромкой леса, но уже через пару минут на его месте появился ответ, отсвет. Это была крупная ярко светящаяся точка. Она была намного больше самой яркой звезды и походила на осколок солнца, разбившегося вечером при падении на горизонт.

Вскоре точка стала расти и превратилась в кружок, быстро сменивший свой огненный золотой цвет сначала на желто-красный, а потом на оранжево-серый. И вот уже перед изумленным взглядом Сергея Кузьмича предстал совсем близко в небе странный дискообразный предмет со стальным отблеском ровной гладкой поверхности. Он завис над лесом, а потом медленно и бесшумно пошел на посадку.

«Летающая тарелка!», - ахнул Сергей Кузьмич и стал вспоминать, что же он знает об этих таинственных НЛО - Неопознанных Летающих Объектах. Оказалось, почти ничего. Кроме того, что они, возможно, посланцы других Миров, Пришельцы из Космоса. Так ли это? Еще мгновение – и он станет единственным на Земле обладателем ответа на этот вопрос.

Летающая тарелка бесшумно приземлилась, слегка примяв высокую траву и мелкий кустарник. С четырех сторон на ее пологих скатах открылись круглые люки, и из них выкатились небольшие зеленые шары. Коснувшись земли, они тут же превратились в человечков – у них появились туловища, руки, ноги, а на головах выросли тонкие усики-антенны. Инопланетяне выстроились в стройную колонну, постояли пару минут и зашагали.

Что было делать? Первое, что пришло Сергею Кузьмичу в голову, это бежать к телефону, куда-то звонить, кого-то звать. Кого? Дочь, работавшую этой ночью в больнице или дежурного из поселковой Управы? А, может быть, срочно вызвать милицию, пожарную команду, скорую помощь?

Нет, он должен все сделать сам. Незачем кому-то отдавать свалившуюся с неба честь встретитьGuests из Космоса. Это ему, простому инженеришке из Смоленска, судьба доверила произвести первый в истории человечества Контакт с другой цивилизацией. Его имя, возможно, войдет потом во все школьные учебники, как имя Юрия Гагарина. Никого не надо звать. Он вполне способен и сам достойно встретить инопланетян, произнести приветственную речь, пригласить гостей в дом, посадить за стол. Очень кстати он только сегодня сварил борщ – свое коронное блюдо, производящее по словам дочкиных друзей потрясающее впечатление своим незабываемым кисло-сладким вкусом и непреходящим густо-красным свекольным цветом.

Правда, в отношении речи у Сергея Кузьмича сразу же появились некоторые сомнения. На самом-то деле оратор он был никудышный, а, если сказать точнее, совсем никакой. Да и откуда, спрашивается, у него, рядового инженера с «Электротехнического завода им. Ильича», мог быть опыт произнесения речей? Если и был, то совсем крошечный, совсем несерьезный: ну, кажется, пару раз он делал в цеху сообщения на политзанятиях, а еще как-то выступал на профсобрании по поводу квартальной премии. Разве это опыт? А тут, такая ответственность - гости с другой планеты!

И все-таки надо было сосредоточиться, собраться с мыслями, найти хоть какие-нибудь приветственные слова. Сергей Кузьмич напрягся, наморщил лоб, и, наконец, несколько звонких фраз все же повисли у него на отклеившемся от нёба языке.

- Дорогие друзья, Братья по разуму! – скажет он. - В этот великий торжественный час, когда после долгих поисков наконец состоялась историческая встреча наших двух Цивилизаций, я призван...

Неожиданно стройный ряд этих высокопарных слов опрокинулся, поник - убийственно простой вопрос оборвал гладкий ход мыслей Сергея Кузьмича: на каком языке говорить с инопланетянами? Не на русском же?

В школе он учил французский, но кроме "mercy" и "la table" ничего в голове не осталось. Нет, французский не годился.

Ну, конечно, нужен был этот самый распространенный - английский. Но отношения и с ним у Сергея Кузьмича были, мягко говоря, непростые, а признаваясь откровенно, даже отвратительные. Он его «сдавал» в институте и пытался изучать самостоятельно, но толку было мало – с приезжавшими недавно к дочке американскими гостями разговора почти не получилось.

Пока Сергей Кузьмич размышлял о превратностях своего взаимодействия с неподдающимися иностранными языками, колонна зеленых человечков уже почти совсем приблизилась к дочкиному дому. Надо было срочно поднатужиться и наскрести для приветствия хотя бы несколько английских слов. Сергей Кузьмич снова натрудил голову, все-таки что-то из нее выудил, положил на язык и в порыве самоотверженности собрался уже открыть рот. Но вдруг замер в растерянности: инопланетяне шли вовсе не к нему. Они шли мимо. Куда?

Удивительно – они шли к лесу.

Он бросился за ними вдогонку, закричал что-то по англо-русски, однако пришельцы не только не отозвались, но даже головы к нему не повернули. Такое пренебрежение, такое неуважение! К нему, Человеку, представителю высшего Разума на этой планете!

И куда же они могли идти еще? Сергей Кузьмич проследил направление движения инопланетян и открыл рот от изумления. Инопланетяне двигались к муравейнику!

Они близко подошли к нему, остановились, стали в полукруг и, склонившись над пирамидой муравьиного дома, направили на него свои усы-антенны. «Бип-бип» - понеслись от них позывные сигналы. «Пиб-пиб» - пропищал отклик.

«Неужели, - взорвался обидой Сергей Кузьмич, - эта старая куча грязного лесного мусора может представлять какой-то интерес, а какие-то жалкие мурашки для Них важнее меня, Венца творения, Вершины мироздания?».

После долгого тягомотного бипиканья инопланетяне наконец закончили свое пустопорожнее занятие, отошли от муравейника, снова построились в колонну и пошли обратно. Сергей Кузьмич кинулся им наперерез.

- Ошибка, мистейк ! - вскрикнул он.

Но инопланетяне, как и прежде, не обратили на него никакого внимания. Они явно пренебрегали им и шли мимо.

Когда они были совсем близко, Сергей Кузьмич вдруг подумал, что надо рассмотреть пришельцев повнимательнее. Он достал из бокового кармана куртки очки, нацепил их на нос и напряг зрение. И тут ахнул от изумления – на инопланетянских головах-шарах не было ни глаз, ни рта, ни носа, ни ушей. «Так вот оно что, - хлопнул себя по лбу Сергей Кузьмич, - никакие они вовсе не братья по разуму, никакие не гуманоиды».

Его догадка тут же обрела конкретику: ну, конечно, это просто механические безмозглые автоматы-роботы. Или вообще даже бестелесные голографические изображения. И посланы они на Землю не для исторического Контакта с человечеством, а для того, чтобы пролезть в людские тайны, завладеть промышленными секретами фабрик и заводов. Коварные же муравьишки, подлые твари, соглядатаи, работают на их вражескую планету, шпионят, воруют чужие «now how». Недаром они шныряют повсюду, во все щели влезают, даже на кухне по полкам бегают. Бывает, и в рукав или за шиворот заберутся. Да еще больно кусаются, гады.

«Тьфу!», - Сергей Кузьмич сплюнул в сторону накопившуюся во рту желчь, встал со скамейки и, проводив презрительным взглядом исчезающую в небе летающую тарелку, направился к дому. Пора было уже ему наконец-то спать ложиться, завтра опять надо будет рано вставать.

СМЕРТЬ ШАХИДА

В один из шумных торговых дней к средиземноморскому порту Акко подошла небольшая двухмачтовая фелюга с серыми полотняными парусами. Она остановилась на рейде вблизи берега в ожидании своей очереди подойти к причалу. На палубу поднялся высокий старец с длинной седой бородой в долгополом черном плаще и высокой островерхой шляпе. Он достал из кожаного чехла-цилиндра большую подзорную трубу, раздвинул ее и направил на берег. Долго не отрывал он глаз от окуляра. В круглой черной оправе одна за другой проплывали перед ним яркие картины бойкого восточного базара.

Плотно застроенный двухэтажными домами из серого камня и желтого саманного кирпича средневековый Акко бурлил торговыми страстями. Амбары с рисом и фуражом, лавки купцов с одеждой и мехами, прилавки с керамической посудой и остроносой обувью длинными рядами вытянулись вдоль набережной.

Здесь торговали браслетами из Аль-Кахира, стеклянными штофами из Генуи, кожаными седлами из Эпидавра, багдадскими фаянсовыми чашами и персидскими паласами из Эрана.

Арабы, греки, персы, одетые в разноцветные плащи, накидки, платья, толпами бродили по узким торговым улочкам и набережной города. А к причалу подходили все новые тяжело груженные фелюги, баркасы, лодки из греческого Коринфа, кипрского Саламина, египетского Фароса и даже из далекой черноморской Таврии.

Прошло несколько минут. С минарета в городе, призывая правоверных к молитве и омовению, закричал тонкоголосый муэдзин. На сторожевой башне громко ухнула медная труба. Железная цепь, преграждавшая вход во внутреннюю гавань, загрохотала и медленно заскользила к овальной нише в нижней части башни. И тут же в порт вошла большая многовесельная каторга-галера, в трюме которой сидели прикованные к скамьям и никогда не выходившие на свет черные гребцы.

На приблизившемся к берегу левом борту каторги появились две фигуры: худощавый мальчуган лет двенадцати и коренастый приземистый крепыш с пышными черными усами. Он схватил мальчика подмышки и быстро выпрыгнул с ним на щербатые доски причального настила.

Старик внимательно взгляделся и вдруг замер от страшной догадки – на поясе мальчика висела длинная плетеная веревка. Другой ее конец был прикреплен к запястью правой руки мужчины. Окуляр помутнел, покрылся туманной пеленой, подзорная труба вздрогнула, задрожала и прыгнула вверх. В другое пространство, другое время...

По серому асфальту тротуара шел худенький черноглазый мальчуган в коротких протертых джинсах, прорванных на носу кроссовках и выцветшей бейсболке. Он двигался медленно, останавливался возле витрин магазинов, кафе, ресторанов и с чуть скрываемым любопытством

разглядывал одетых в яркие одежды манекенов и сверкающие на солнце серебряные графины, фужеры, рюмки и подносы.

Куда он шел? Может быть, вон к тому большому белому зданию торгового коньона? Он приблизился к нему, но вдруг остановился – на него пристально смотрел стоявший у входа охранник. Мальчик круто повернулся на своих стоптанных каблуках и пошел назад. Теперь его путь направлялся к гудящему неподалеку на набережной разноголосому восточному базару-шуку. Конечно, его влекли к себе бесчисленные лотки, где золотились стройные пирамиды апельсинов и выложенные кирпичиками горы кураги, где пересыпанная ледяной крошкой серебристая кефаль лежала рядом с толстой темнокожей туной. Именно на запах шашлыка и люля-кебаба, на аромат фелафелей, турецкого кофе и жареных каштанов шел этот мальчик. Его взгляд издали жадно хватал лежавшие длинными рядами горки пастилы, зефира, пахлавы, щербета, халвы. Он пошел было к одному из этих сладких столов, но, увидев приблизившихся с другой стороны солдат в камуфляже, быстро повернул назад.

На углу улицы стояла группа бородатых хасидов, одетых в длиннополые черные плащи и такие же черные широкополые шляпы. Заметив проходившего мимо мальчика, один из них прервал беседу, повернулся и проводил его долгим изучающим взглядом.

Неужели все эти хасиды, солдаты, охранники не понимали, кто мимо них проходил? Ведь так было просто по согнутой спине с опущенными плечами, неловким движениям рук и неуклюжей походке угадать тяжелый шахидский пояс, привязанный к впалому животу мальчика. А его бегающие по сторонам испуганные глаза, пугливое оглядывание назад – разве не признак тревожного ожидания чего-то страшного и неотвратимого.

Старик безошибочно распознал в мальчике шахида еще и потому, что в свое время видел у султана в Фалудже специальные питомники, где выращивали маленьких смертников. Мальчиков отбирали у матерей, едва они начинали ходить, и сразу одевали на них тугие кожаные ошейники с обращенными внутрь острыми металлическими шипами. Ошейники не снимались ни днем, ни ночью. За любое непослушание свирепые надзиратели-мамлюки дергали детей за поводки, и шипы больно врезались в шею. Учили их только одному – беспрекословному подчинению любой команде поводыря. А тот мог ни с того, ни с сего приказать прыгнуть с крыши высокого дома или войти в клетку с диким тигром. Кормили малышей впроголодь и, как поощрение, давали по маленькому куску жженного сахара. А целым мешочком этой сладости награждались те, кто выполнял какое-нибудь более серьезное учебное задание. Например, залезал голым в чан с чуть остывшим кипятком или прокалывал сам себе иглой ладони.

Мало кто из этих детей доживал до четырнадцати-пятнадцати лет. Однажды в жизни каждого из них наступал тот решительный момент, ради которого ему и приходилось все эти годы терпеть непреходящие муки, боль и страх. В этот радостный час с него, наконец, снимали ненавистный

ошейник. Теперь он мог легко и свободно вздохнуть, расправить плечи и почувствовать себя на краю блаженства. В этот день его с утра хорошо кормили и давали сладости.

Но длинный сплетенный из прочных шелковых нитей поводок совсем не убирали. Вместо ошейника его призывывали к широкому кожаному поясу, под которым плотными рядами подвешивались мешочки с порохом и взрывчаткой.

Живая бомба вместе с поводырем направлялась к стану противника. Мелкими перебежками и ползком мальчик приближался к шатру вражеского военачальника, незаметно пробирался внутрь и, оказавшись у цели, посылал поводком сигнал о своей готовности. В ответ поводырь тоже сильно натягивал поводок, потом резко его тянул на себя, дергал взрыватель, и все вокруг погружалось в огонь, дым и пепел. А ребенок отправлялся туда, где его, наконец-то, ждал большой сочный кусок жареной баранины и целая пиала рассыпчатого тающего во рту золотистого жженного сахара.

Бывали случаи, когда поводырям удавалось даже остаться живыми..

.

Шахид XX1 века также был на привязи. Его поводырь, усатый мужчина в помятом сером костюме, сидел за столиком возле входа в кафе и потягивал через трубочку коку из фирменного бумажного стаканчика. Напротив лежал мобильный телефон – его зеленой кнопке, повидимому, и надлежало освободить на шахидском поясе предохранитель и выдернуть чеку взрывателя.

Средневековый шахид был всегда нацелен на определенного врага. В мирное, как теперь, время это мог быть неугодный аяябский везирь в Каире или непокорный эмир Омана. А какую цель преследовал сегодняшний самоубийца? Не направлялся же он, в самом деле, вон к той группе туристов в разноцветных шортах, непрерывно щелкавших фотокамерами? Наоборот, он явно их сторонился, боясь попасть в объективы. И, конечно, нелепо было бы подозревать его в намерении взорвать себя в стайке громкоголосых ребятишек, резвившихся на набережной под присмотром молоденькой воспитательницы. Вообще, вряд ли, ему была известна цель, на которую предстояло выйти. Не потому ли он выглядел таким неуверенным и нерешительным? Впрочем, возможно, не знал эту цель и тот усатый поводырь, вероятно, ему тоже откуда-то должны были послать команду.

Неожиданно старик почувствовал: что-то изменилось. То ли в походке мальчика, ставшей менее шаткой, то ли в его испуганных глазах, переставших так часто шарить по сторонам. Но что-то стало не так. Быть может, где-то там, у главного шахидского начальника, было, наконец, принято решение, определена цель. Какая?

Старец отвел глаза от окуляра и посмотрел вдаль – обзор стал шире, взгляд охватил всю набережную, соседнюю улицу и привокзальную площадь. И вдруг ему сразу стало ясно, куда шел шахид. Конечно, к автобусной остановке. Кто там был, какого врага следовало уничтожить,

зачем, почему?

У столба с автобусным указателем стояла мамаша с двумя малышами, одного она держала за руку, другой сидел в прогулочной детской коляске. Рядом веселились три девочки-хохотушки с ранцами за плечами, наверно, после школы ехали домой. Здесь же, на деревянной скамье, сидели две пожилые женщины, у них на коленях стояли большие пластиковые сумки со свесившимися вниз пучками зеленого лука и редиски. А к спинке скамейки, опираясь на фасонистую узловатую палку, прислонился немолодой мужчина в широких вельветовых брюках и серой рубашке навыпуск.

Кто из этих с виду совершенно безобидных людей мог быть вреден кому бы то ни было, почему их следовало уничтожить, чьи они враги? Было совершенно непонятно.

И вдруг старик подумал: а почему, собственно говоря, он стал подозревать в этом мальчике шахида? Глупость, ошибка. Тот просто шел к автобусу, собираясь куда-то ехать.

Старец перестал напрягать зрение, задумчиво покрутил в руках подозрную трубу, потом сложил ее и стал вкладывать в чехол. Но тут что-то заставило его вздрогнуть, он снова раздвинул тубусы и прильнул к стеклянному кружочку. Ах, вот оно что - человек с усами отодвинул от себя стаканчик коки, быстро встал из-за столика и торопливо направился тоже в сторону автобусной остановки. В его руках яркой вспышкой сверкнул на солнце мобильник. Все стало ясно. Ну, конечно – сейчас мальчишка сядет в автобус, а усатый нажмет кнопку.

Старец занервничал, засуетился. Надо предотвратить несчастье, спасти ни в чем не повинных людей, этих девочек-школьниц, старушек, пожилого человека, малышей с мамой. Он бросился к трапу, спустился на берег и устремился к выходу из порта. Еще мгновение, и перед ним открылись ворота на улицу. Бегом, бегом, скорее. Успеет ли? Автобус уже появился из-за поворота, еще несколько кварталов и он подойдет к остановке.

Старик почти уже добежал до перекрестка, на противоположной стороне которого должен был остановиться автобус. Неожиданно дорогу перегородил огромный грузовик, перевозивший строительные блоки. Пока он неторопливо проезжал перекресток, автобус совсем приблизился к остановке, затормозил, остановился. Старик издали увидел, как двери открылись, и мальчик-шахид, проскользнув между другими пассажирами, быстро вошел внутрь.

Да, самоубийцу уже не поймать. А, может быть, удастся остановить усача-поводыря, схватить за руку, не позволить нажать кнопку? Старик посмотрел вокруг – где он? Его нигде видно не было. Возможно, спрятался в одном из магазинов или кафе на той стороне улицы. Или затерялся среди пешеходов, идущих по набережной.

А автобус уже тронулся с места. Надо было во что бы то ни стало его остановить. Старик бросился наперерез.

- Стойте!! – громко закричал он, замахал руками. Но никто не услышал и никто не увидел. Выпустив струйку дыма из выхлопной трубы, автобус

отъехал от остановки и стал быстро набирать скорость.

Взрыв прогремел сразу за перекрестком. Выше всего взлетела детская коляска с привязанной к ней малышкой. По странной счастливой случайности она единственная из всех осталась жива. Наверно потому, что коляска упала на крышу стоявшего напротив дома. Туда же упала узловатая деревянная палка, в рукоятку которой крепко вцепились пальцы оторванной по локоть руки.

Черный хвост дыма с обрывками пламени и искрами пепла взметнулся вверх и, превратившись в серое облако, затемнил небо. День торопливо уходил в ночь...

Белое солнце пустыни спустилось с небесных высот и, теряя свою белизну, сначала пожелтело, потом стало оранжевым и, наконец, красным шаром коснулось далекого горизонта. Космический светолет Комплексно-Исследовательской Службы (КИС) медленно пролетел над бескрайними просторами песчаной пустыни и завис над длинным пологим пляжем – границей суши и моря.

К приборам внешнего наблюдения подошел высокий седой старец в черном рабочем комбинезоне и островерхом головном уборе с датчиками ближней и дальней связи. Он прильнул к окуляру и стал внимательно разглядывать поверхность земли. Где-то там у кромки воды находился объект, который предстояло исследовать. Но где? Отыскать его было не просто.

Внизу бушевала свирепая песчаная буря. Ураганный ветер высоко к небу поднимал огромные тучи пыли, закрывавшие землю плотной почти сплошной непроницаемой завесой. Только изредка порывы ветра немного стихали, прячась в больших серо-желтых барханах. Их серповидные гребни лениво пылились и медленно перемещались то в одну, то в другую сторону. На многие сотни и тысячи километров до самых гор тянулась эта мертвая мрачная пустыня.

А когда-то здесь кипела жизнь, и пересекались во времени и пространстве сменявшие друг друга великие человеческие цивилизации. Среди них одной из самых счастливых была эпоха Арабского Халифата - огромной мусульманской державы, простиравшейся от границ Индии до берегов Атлантического океана. Это она вписала самые блестящие страницы в долгую историю Переднего Востока, Средиземноморья, Средней Азии, Кавказа.

Предшественники арабов, гунны, сарматы, татаро-монголы и другие варвары - покорители мира приносили народам почти всегда только разрушения и отбрасывали цивилизацию назад. В отличие от них арабы времен Халифата, наоборот, являлись поборниками науки, торговли, ремесленничества. Будучи довольно терпимыми к разным религиям и верованиям, они стали объединителями и переносчиками культуры, искусства Запада и Востока, развивавшихся до этого изолировано друг от друга. Они дали миру великих философов, математиков, астрономов, оставили после себя множество важных достижений науки, в том числе, например, десятичную систему цифр.

Но, как и каждая эпоха человеческой истории, арабское средневековье, кроме всего хорошего, подарило наследникам и целый ряд мерзких изобретений. Одно из них, шахидство, пережило века и более чем через тысячу лет неожиданно снова возродилось. Причем, в самой ужасной форме, став настоящим оружием массового уничтожения. Именно оно оказалось главной причиной гибели человечества. В 3-м тысячелетии волны террора, убийств, самоубийств и самосожжений стали накатываться одна за другой. Море крови затопило города и страны. Тогда впервые и начали строиться «новые ковчеги» - большие космические корабли-паромы. На них сотни тысяч переселенцев-эмигрантов отправились обосновываться заново в колониях на Луне, Марсе, Венере и планетах других звездных систем.

А потом, как наказание Божье, произошла та страшная климатическая катастрофа, которая уничтожила все живое на Земле. Глобальное потепление климата и последовавшее за ним иссушение атмосферы привело к исчезновению на планете пресной воды, ушедшей глубоко в земные недра. Высохли реки, озера, водохранилища, небо перестало покрываться облаками. Жаркие солнечные лучи, космическая радиация и жестокие суховеи истребили леса, траву и вообще всю растительность, вслед за чем погибли насекомые и животные. Повсеместно воцарилась голая мертвая пустыня.

...Прошли десятки, сотни тысяч лет, и вот теперь наступило время, когда Аридная эра в истории Земли стала заканчиваться. Как и когда-то после 4-го Ледникового периода, планета снова начала оживать. Из ее недр поднялись сначала струйки, а потом потоки пресной ювенильной воды. Началось ее испарение, по небу побежали облака. То тут, то там, в понижениях рельефа стали появляться первые следы растительности – кусты кендыря, ростки эфедры, а вблизи гор кое-где зазеленели небольшие семейки низкорослых кактусов.

Задачей научно-поисковой экспедиции КИС-32 было обнаружение и исследование мест обитания людей Доаридного периода. Здесь на берегу моря стоял большой город, торговый и научный центр, где сходились дороги с Запада и Востока, с Севера и Юга. Теперь все было погребено под толстым слоем песка. Где-то глубоко в земле стояли полуразрушенные жилые дома, офисные здания, театры, торговые центры.

Старик оторвался от наблюдательных приборов, подошел к трапу и спустился в посадочный модуль. Через несколько минут он был на поверхности земли. Притихшая на время песчаная буря сменилась тихой поземкой, струившей пылевые потоки у ног исследователя. Он расчехлил поисковые зонды и начал делать общую археологическую съемку района. На появившейся мониторинговой карте обозначились глубоко ушедшие под землю улицы города, кварталы домов, русло бывшей реки. А вот и набережная с выходом на причал, где стояли плохо различимые сейчас остовы катеров, яхт, баркасов.

А это что такое? Кажется, в те времена ездили на таких вот средствах передвижения. Назывались они – автобусы. Эти машины принадлежали так называемому «индустриальному веку». На самом же деле, то была эпоха

самоедства, когда люди сотнями миллионов этих автобусов и других потребителей энергии съедали недра собственной планеты. В конце концов они истребили все ее запасы, все полезные ископаемые, всю нефть и остались вообще без энергоносителей. Они еще не знали тогда, что энергию можно брать прямо из Вселенной, используя обычные космические лучи.

Археологический электронный щуп проскользнул по жилым кварталам подземного города, пробежал по его бывшей деловой части и, наконец, вышел к тому месту, которое было задано поисковой программой. Это было невысокое круглое в плане здание-ротонда, украшенное фигурной лепниной и рельефным фронтоном. Здесь находился главный информационный центр того времени - «Библиотека». В нем хранились многие десятки тысяч старинных книг, брошюр, манускриптов, папирусов. Это было бесценное собрание сведений об ушедших временах, о тайнах веков. Поэтому оно и программировалось, как главная цель археологических исследований экспедиции КИС-32.

Старик поводил пальцем по планке сенсорной настройки и определил координаты объекта. Потом нажал кнопку на своем головном шлеме и вызвал археолога-землекопа. От посадочного модуля отделился ковшеобразный робот с прямой и обратной лопатой. Он выкатился на заданную точку и врезался в землю. Через некоторое время на поверхности появились фрагменты стеновых панелей, остатки каменных опор, обломки мебели. Но вот, осыпая песчаную пыль, перед взором старика появились стеллажи книг. Прележав десятки тысяч лет в сухом песке без воздуха и влаги, они прекрасно сохранились.

Старик взволнованно смотрел на стоявшие перед ним сокровища. Он с трепетом протянул руку к толстым фолиантам, одетым в потертые кожаные переплеты. И рука сама нащупала то, что он искал.

Это была его, старика, "Книга путей и царств", изданная в 930 году в Багдаде. Он стряхнул песок с книжной обложки и нежно ее погладил. Пальцы вспомнили теплую шероховатую поверхность, открыли титульный лист. На нем в изысканной витиеватой вязи печатных букв красовалось его имя - Ал-Истахри Абу Исхак ал-Фариса. Это был он - известный историк и географ арабского Возрождения. Родившийся в персидском Фарсе, он в поисках чудес и открытий объехал всю Персию, Среднюю, Южную, Западную Азию и описал их в этой своей знаменитой книге.

Теперь снова пришло его время.

ПИСЬМО С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ

Исследовательский модуль отделился от экспедиционного звездолета и совершил мягкую посадку на поверхность далекой планеты. Две тысячи лет назад где-то здесь бесследно исчез геолого-разведочный отряд, занимавшийся поиском молибденового месторождения. Только после многих усилий локаторный луч обнаружил высоко в горах на заваленной камнепадом мульде нечеткие следы того, что когда-то было людьми.

Под толстым слоем слежавшейся осыпи не сохранилось почти ничего, что могло бы рассказать о случившейся когда-то трагедии. Кроме небольшого компьютерного стика, чудом уцелевшего от катастрофического камнепада.

Архелогам и историкам пришлось немало потрудиться, пока им удалось расшифровать древнюю буквопись и прочесть письмо, написанное давно забытым языком далеких предков.

Вот оно.

Маришенька, милая, здравствуй!

Прости, что так долго тебе не писала и даже не ответила на твое письмо, которое получила еще на Корабле. А потом после прибытия сюда на планету не было ни одной свободной минуточки. С утра мы уходили в длинные маршруты, возвращались на Базу поздно, изматывалась до чертиков.

А вот теперь неожиданно у меня оказалось масса свободного времени, так что можно не только письмо, а целый роман написать. У нас произошло ЧП. Ты, наверно, удивишься и скажешь, какие в наше-то время могут быть у геологов ЧП, когда Межзвездная служба, фотоноракеты, гравитационные везделеты и другие чудеса ХХХ-го века совсем не оставляют места для происшествий. Представь себе, могут. Да еще каких! Расскажу все по порядку.

В понедельник на прошлой неделе, мы вышли в очередной маршрут из нашей Базы, расположенной у подножья большого горного хребта. Нас пятеро: геолог Костя Пелевин, геохимик Борис Михайлович, техник Леша Веткин, студент Эдик Берлин и я. Район, где мы работаем, совершенно белый - есть только 100-тысячная топографическая киберофотосъемка. И хотя наш квадрат находился на довольно солидной высоте, но маршрут на этот раз был небольшой и несложный. Никаких вездеходов и везделетов поэтому мы не взяли, пошли налегке, с рюкзаками и палатками, как простые туристы на отдыхе.

Когда мы прошли перевал, Костя заметил на лежавшей немного в стороне от нашего маршрута горной мульде какие-то гранитно-базальтовые обнажения.

- Ребята, - сказал он, - давайте-ка, заскочим к ним на часик-два, пощупаем, что там внутри - чую я: на этой синклинали могут быть кое-какие зацепки на молибденовую залежь.

Мы свернули в сторону и прошли еще пару километров по негустой лесной заросли. Остановились на короткий привал.

Вот тут то, Маришка, и случилась беда. Около часу дня сзади нас раздался страшный грохот. Встревоженные, мы повернули к перевалу и замерли в ужасе: на северном склоне, там, где мы только что были, произошел громадный обвал. Серая дресвяная лавина соскользнула вниз а обнажила крутой зыбкий обрыв, подвижка которого продолжалась на наших глазах. Внизу, под обрывом, как нашкодивший зверь, виновато ворчал бурливый водный поток, это он подточил осыпь. Так мы сначала подумали. А потом, разобравшись, поняли – нет, не он кинул нам подлянку. Это глубинный тектонический толчок перекрыл обратный путь на Базу. Оказалось, у здешних недр очень крутой бурливый нрав – молодая планета, ничего не поделаешь. У нее внутри все бурлит, клокочет – только и жди очередной глубинной бури.

- Все было бы ничего, - сказал Костя после каких-то своих расчетов. –Но беда в том, что, кажется, мы с вами попали в сильно опасную сейсмическую зону – неровен час, землетрясение может повториться, и с северного склона снова обрушится камнепад.

Много раз мы пытались выбраться отсюда. Приходилось пробираться через заросли густого колючего кустарника. Иногда, чтобы пробить тропу, даже доставали огнестрелы. Намучились мы здорово, но каждый раз выходили... к другим многосотметровым обрывам, оказалось они окружают нас теперь почти со всех сторон. Ужас!

Потом мы стали делать попытки найти проход через боковые осыпи, но все безрезультатно - пути отсюда нет.. Так что, как видишь, ЧП - настоящее.

Вот уже несколько дней, как мы здесь. Конечно, знаем (уверены, а как же иначе?), что нас будут искать и найдут. Круглые сутки посылаем сигналы, может быть, их уловит какой-нибудь случайный звездолет. Ждем. Правда, есть тревожное подозрение, что окружающие место нашего заточения горы экранируют и не пропускают сигнальные посылы. Но, может быть, это и не так. Надеемся.

По утрам нас с аппетитом жрут паразиты, воздух прямо-таки кишит ими. Тучами налетает какая-то очень похожая на нашу земную мошка, крупные комары, мелкие комарики, мокрянка. Сетки почти не помогают - в них набивается мелочь, жужжит, как эскадрилья вездельцов, и ест, ест... Особенно вредная тварь - мокрянка. Она настолько мала, что ее не видно, только ощущаешь какую-то сырость на коже. А потом руки и лицо зудят, как от крапивы.

Вот и наплакалась я тебе. А вообще, конечно, ничего особенно страшного нет. Красотища вокруг изумительная, почти земная, как у нас где-нибудь в Саянах! Горы, которые здесь проглядываются с ног до головы, в ясную погоду демонстрируют нам свои наряды. Внизу на них надеты темнозеленые юбки густых непроходимых лесов, выше - кружевные кофточки коричневато-бурых скал, а на самом верху - ярко-белые снеговые шапки. Здесь много цветов. Мальчишки как-то принесли мне два великолепных белых букета, бутоны - прямо наши рододендроны, а Эдик где-то на скале заметил даже что-то вроде эдельвейса и грозит слазить

для меня за этим невянущим цветком любви и мужества. Особенно красивы здесь ночи, На Земле редко такие увидишь. Звездное небо четкое, ясное, как в планетарии - звезды ярко светят, и от них светло. Падает их множество, прямо на голову. Я, конечно, все загадываю... (сама знаешь, о ком). Хуже, когда с вечера небо затягивают облака, тогда темнота становится совсем черной, таинственной и жуткой.

Главное, ребята наши - замечательные. Я еще тебе о них ничего не рассказала. Костя Пелевин - длинный и худой, как жердь, уже немолодой человек, отпустил рыжеватую бороду (говорит, "для пижонства", но, я думаю, ему просто лень бриться). Костя из категории энтузиастов, увлечен своим молибденитом, говорить о нем может часами. По вечерам за ужином он нам читает целые лекции по геологии, которые обильно пересыпает разными баснями и анекдотами.

Эдик Берлин - черноволосый курчавый юноша, мечтатель и романтик, турист с большим стажем. Учится в Институте Звездной Геологии. У него пунктик: он сочиняет песни, при этом очень здорово, страшно музыкальный парень. Например, на днях он вот что нам выдал:

Не горюйте, ребята, не нойте,
Лучше песенку эту вы спойте.

Все равно придется нам
: Вновь тащиться по горам.

Здесь на Землю все очень похоже:

Те же горы и небо все то же

А взглядеться – все не так,

Даже лес наискосок.

Ничего, что обвалы грохочут,

Ничего, что устали мы очень.

Все равно пойдем опять

Молибден в горах искать.

Пусть в лесах затерялись дороги,

Пусть не держат разбитые ноги.

Все равно наступит день ,

И найдем мы молибден.

Прячет рудную залежь планета,

И не хочет раскрыть нам секреты.

Все равно руду найдем,

Молибден Земле пошлем.

А если б ты слышала, какой отличный мотивчик у этой песенки, мы ее очень полюбили и с удовольствием горланим по вечерам.

Вообще Эд - по-настоящему одаренный парень, кроме музыкального у него еще явный художнический талант. Он постоянно притаскивает какие-то коряги и сучья, которые превращает в забавные фигурки и рожицы. Как-то под утро (еще было темно), я вылезла из своей палатки и чуть не умерла со страха: прямо на меня смотрел страшный идол с рогами и клыками - это Эдик обработал пень от недавно срубленного нами дерева. Вот будет загадка для археологов, если они сюда когда-нибудь попадут!

Леша Веткин - 19-тилетний провинциальный парень, угловатый, нескладный, с бледным прыщеватым лицом, слегка заикается. Он приехал к нам в Головную Планетную экспедицию откуда-то из-под Тюмени, на летную или космодромную службу его почему-то не взяли. Основная черта Лехи, после бесцветности - это безобидность и доброта. Леха - тугодум, шуток совершенно не понимает. Когда над ним подшучивают (а это бывает часто), он обижается и вместо того, чтобы ответить тем же, забавно надувает губы, как маленький. И вообще он со странностями. Однако в целом Леха неплохой парень, всегда безотказно и старательно выполняет все поручения, ко мне относится с трогательной предупредительностью и вниманием.

Борис Михайлович - низкорослый крепыш с помятым лицом 55-летнего холостяка. У него длинное нервное лицо с близко поставленными маленькими глазами. Всегда почему-то ходит в шлемофоне. Б. М. - значительно менее знающий, чем Костя или Эдик (кажется, у него даже нет специального геохимического образования). Однако он любит блеснуть своей хорошей памятью, особенно на цифры, и вечно старается показать свою общую "ерундицию", как говорит Эдик. Например, когда нас ест местная стервозная мошка, он высказывается примерно в таком духе:

- А знаете ли вы, други, что наши родные земные комарики делают своими крыльями до 1000 взмахов в секунду, что не смог бы, например, обеспечить ни один из самых высокооборотных вездельных двигателей.

Или, например, вчера за вечерним столом он туманил нам мозги такими вот умствованиями:

- Задумывались ли вы, други, над тем, как жестоко Творец задумал живой мир. В основе его лежит Зло. Не было бы зла - не было бы жизни. Ведь, как оно устроено: кузнечик жует травку, лишает ее существования, кузнечика сглатывает лягушка, а ту хватает цапля, которую, в свою очередь, сжевывает крокодил. И эта цепочка нигде и никогда не прерывается и, чем дальше приближается к Венцу творения, тем зло становится злее, изощреннее, коварнее. Злоба, ненависть, безжалостность - разве не они позволяют живым выживать, поглощая друг друга?

Эти вот его дурацкие разглагольствования, да и вообще его манера говорить, эти "други" меня почему-то раздражают. Но, наверное, я к нему несправедлива... Понимаешь, Мариша, Б. М. часто смотрит на меня каким-то неприятным обмеривающим взглядом, в котором то ли вожделение, то ли насмешка, не пойму. А вообще я тебе написала какую-то чепуху, извини.

Маришка, дорогая! .

Я прервала свое послание тебе больше недели тому назад, теперь пишу снова, хотя не представляю, как и когда оно к тебе попадет, связи ни с Землей, ни со службой Спасения нет и неизвестно, когда будет. На всякий случай ты должна знать все.

Вот уже несколько дней, как у нас совсем кончились продукты (вплоть до самой последней банки). Перешли на "подножный корм", как древние люди Докосмичекой эры – обзавелись всякими кастрюлями, ведрами (смех один), варим пищу на кострах, подобно геологам какого-нибудь XX или XX1 века (у них это почему-то считалось какой-то «романтикой», чудачки какие-то).

Но и этого самого «подножного корма» здесь очень мало. Ребята каждый день ходят на промысел, но пока с очень слабоватыми результатами. Грибов или ягод на этой планете нет совсем.

Животный мир тоже не очень. Пару раз мы встречали каких-то странных безногих существ типа наших черных медведей, которые ничего не боятся и подглядывают издали за нами из-за деревьев. Не знаем, опасны они или нет. Варим так называемый "бульон" - вода с капсулами омлета и маргарина, несколько пачек еще осталось. Кроме этого едим шишки с местных деревьев, смолистые и противные. К тому же они еще зеленые, сами вниз не падают, приходится или лазать за ними, или рубить деревья, ни на то, ни на другое ни у кого уже нет сил. Вообще стараемся поменьше двигаться, лежим в спальнях мешках и палатках, почти без движений.

По ночам становится довольно-таки сыро и прохладно. Все отощали, представь себе, даже я. Меня уже, как раньше, не назовешь "Валена - пончик". Ничего у меня уже нигде не осталось, даже лифчик обвисает. Настоящая дистрофичка. Но, сама понимаешь, я этому даже немного рада: всю жизнь ведь стремилась похудеть, вот и дождалась.

В общем все держатся хорошо. Эдик и Костя, по своему обыкновению, острят, за вечерним сбором, как и прежде, разговоры, шутки, песни. На днях произошел такой комичный случай. Сидим за "трапезой", обсуждаем свое отчаянное положение, шутим. Эд самым серьезным тоном говорит:

- Ну, Леха, готовься, тебя первого лопать будем. Все равно погибать. Надо же с кого-то начать. Валена, налей ему побольше бульону, пускай подкрепляется, чтобы жирнее был.

Лешка молчит и глуповато улыбается. Конечно, не может же он не понимать, что это шутка. И все же в его глазах вместе с обидой - явный испуг. Он забавно моргает своими большими почти девичьими ресницами и дуется. Всем смешно.

За разговорами проходит час, другой. Вдруг кто-то замечает, Леша исчез. Смотрим вокруг - его нет, зовем - не откликается. А уже темно. Посидели еще немного, потом, чертыхаясь, пошли искать. Долго ходили по темному плотному кустарнику и, наконец, обнаружили Леху у обрыва. Он сидел одинокий, понурый, какой-то взъерошенный, а рядом лежал огнестрел. Эдик направился к нему.

- Эй, Леха, иди в палатку. Ты, что обиделся?

И тут наш безобидный тихоня вытер нос рукавом и поднял с земли огнестрелку.

- Не подходи, стрелять буду.

И хотя это было сказано довольно-таки нерешительно, мы поняли, наконец-то у парня прорезается характер, и он хочет, чтобы его принимали всерьез и перестали подшучивать над ним. Эдик потоптался на месте и вернулся к нам:

- Э, братцы, кажется, на наших глазах рождается мужчина. Мы постояли еще немного и затем, решив не мешать становлению мужского характера, повернули обратно.

А Леша вернулся только часа через три. С этих пор шутки над ним почти прекратились.

Опять, Мариша, я прерывала свое послание - мы снова делали попытку пробиться через обвал. Два раза пробовали, ничего не получилось. Снова вернулись к нашему лагерю. Непрерывно посылаем сигналы бедствия, надеемся на лучшее. Нас должны найти!

Произошло одно очень неприятное и загадочное событие, совсем испортившее мне настроение. Расскажу все подробно. Начну, пожалуй, вот с чего.

Два дня назад вечером я сидела у костра и штопала свою штормовку, которая изрядно поизносилась. Ребята уже разошлись по палаткам, остался один Костя, Он был сегодня какой-то серьезный, задумчивый. Поговорили о том, о сем, а потом Костя сказал:

- Захотелось мне почему-то, Валена, рассказать тебе одну небольшую историю очень далекого времени, когда шла на нашей старой матушке Земле 2-ая мировая война. Описал ее в своих воспоминаниях, хранящихся в наших семейных архивах, мой пра-пра-пра-пра (не знаю какой) дед. С детства, говорилось там, он рос без отца, ему сказали, что тот погиб на войне. А потом узнал правду: оказалось, отец был жив и здоров... Мать вышла замуж года за два до войны. Со своим будущим мужем она познакомилась где-то на вечеринке у своей подруги. Он был старше ее, всю жизнь провел в поисковых экспедициях (тоже был геологом). Практически они и не успели как следует пожить вместе - он вечно пропадал в командировках. Так что знали они друг друга не очень уж хорошо. Жили они в российском городе, называвшемся в то время Ленинградом. Когда началась война, отец сразу же попал на фронт, а моего годовалого предка с бабушкой отправили в эвакуацию. Мать же осталась в Ленинграде. Может быть, ты помнишь из истории (в школе ведь мы проходили) - та война была очень суровой. Ленинград попал в блокаду, вражеские войска окружили его со всех сторон, подвоза продуктов не было. В городе начался страшный голод. По улицам, держась за стены домов, ходили истощенные люди и шатались от слабости. Прямо на тротуарах лежали замерзшие трупы. Мать жила одна, работала на заводе... Однажды вечером открылась дверь, и на пороге неожиданно появился муж, сказал: дали пятидневный отпуск. Для нее, сама понимаешь, какая

это была радость. Она «накрыла стол», выставила все, что у нее тогда было - кусок хлеба и остатки колбасы, вскипятила чай. Но отец сказал: «Убери, Маша, знаю, как тебе тяжело с продуктами, оставь себе. И вообще, давай договоримся, будем питаться отдельно, я у тебя ничего брать не буду». И он к еде не притронулся. На следующий день она с утра ушла на свой завод, а он остался дома. Вечером, когда она пришла с работы, его не было. Вошла в комнату и обнаружила на столе очистки от колбасы, сыра и крошки белого хлеба, а на кухне в сковородке - следы омлета из яичного порошка (это было в то время большим деликатесом). Так продолжалось все время его отпуска: она попрежнему голодала, а он съедал свои продукты один. Потом у него кончился отпуск, и он уехал. Расстались они холодно. При прощании она ему ничего не сказала. А после войны подала на развод и больше замуж не выходила. Так вот и развалилась семья... Теперь скажи, Валена, как ты оцениваешь, поступок этого моего предка? Я сам никогда раньше не вспоминал эту историю, с высот нашего сытого века она мне была непонятной и пустячной – ну, подумаешь, лопал мужик в одиночку свою колбасу, не поделился с родной женой, делов-то ноль. А вот попали мы в сегодняшний наш переплет, и стал я задумываться. Наверно, голодуха, действительно, может черт-те до чего доводить людей. И в таких исключительных случаях из-за какой-то простой яичницы жены бросают мужей, детей оставляют без отцов. Но я не знаю, может, и неправильно поступила эта моя пра-пра-пра-родительница? Как ты-то думаешь?

Костин вопрос сразу же показался мне довольно-таки странным, хотя вообще-то, вероятно, он был не такой уж и простой. Но я ответила, почти не задумываясь:

- Прости, но этот папашка твоего предка оказался настоящим подлецом, я бы тоже с таким жить не стала.

Сказала я это, кажется, с излишней резкостью, может, и не надо было так говорить. А Костя взял палку, помешал ею горящий костер, подкинул в него несколько веток. В какое-то мгновение мне показалось, что он хочет еще что-то сказать. Но Костя промолчал. Он постоял еще немного, затем быстро попрощался и ушел. Я его не остановила. А после только подумала: для чего он рассказал мне эту историю? Непонятно.

На следующий день ребята с утра ушли в дальний поход заготавливать кормовые шишки и хворост - вблизи мы уже все обчистили. А я отправилась в ближнюю низинку, плотно обросшую густым жестким кустарником. В который раз уж я надеялась найти какие-нибудь съедобные травы (может быть, что-то вроде нашего шпината или щавеля).

Я медленно пробиралась сквозь густые заросли, раздвигая руками длинные ветки кустов и внимательно глядя себе под ноги. И вдруг я вздрогнула от неожиданности: передо мной в траве блеснуло что-то матово-желтое. Контейнер пищевых мясных капсул! Да, это же целое богатство! Не веря своим глазам, я нагнулась и подняла эту большую банку, от одного вида которой пробуждался зверский аппетит и начинало сосать под ложечкой.

Но, увы, банка оказалась совершенно пустой. Я хотела было поддать ее

ногой, но вдруг задумалась. Что за чудо, откуда здесь пустой пищевой контейнер? Когда мы выходили с Базы, у нас было четыре таких банки. Я хорошо помнила (ведь я же - повар), что они давно опорожнены. А эта откуда? Я более внимательно заглянула внутрь – ба, да она совсем свежая, чистая, даже крышка с обеих сторон не потемнела, не поржавела. Сомнений быть не могло – контейнер опорожнен совсем недавно, в траве он пролежал не больше одного-двух дней.

Я схватила банку и поспешила к лагерю. Пробежав немного, запыхалась и остановилась. Присела на траву передохнуть и вдруг задумалась. Во-первых, чего это я тороплюсь, ведь ребята еще не вернулись. Во-вторых, с таким делом вообще вряд ли стоит спешить. Если я предъявлю эту улику, я должна буду кого-то обвинить. Но кого? Раз уж этот "кто-то" мог скрыть от всех пищевой контейнер с едой и съесть в одиночку все его содержимое, то он сам в этом ни за что не признается. Значит, я поставлю под сомнение порядочность всех и каждого в отдельности. И эта проклятая банка навсегда станет между нами, стыдно будет смотреть в глаза друг другу. Начнутся подозрения, недоверие, неприязнь, потом и до ссор может дойти. Прощай тогда дружба, добрые товарищеские отношения и вообще все, все. Имею ли я право доводить до этого, имею ли я право так поступать? Ведь банку нашла я, никто пока больше о ней ничего не знает. Да, нам трудно, мы голодны, у нас даже маргарин, и тот уже почти кончился. Но мы верим, что нас ищут, мы знаем, что нас найдут, мы держимся все вместе, и у нас хорошие добрые отношения. Нет, нет, они не должны быть испорчены. Я обязана все выяснить сама, узнать всю правду, а пока никого к этому не привлекать.

Подумав так и решив ничего ребятам не говорить, я бросила банку обратно в траву, заметила место и ушла.

Вечером, как обычно, мы сидели у костра, жевали шишки, болтали. А я все думала, гадала. Вот нас пятеро, пятеро, попавших в беду, пятеро, оторванных от всего света. Кто-то один оказался подлецом. Кто он?

Ребята вели себя обыкновенно. Эдик мурлыкал песенку и выстрегивал что-то ножом из палки. Б. С. с Лехой чистили шишки и обсуждали завтрашний поход за дровами. Только Костя, казалось мне, был чем-то озабочен, молчал, много курил. Неужели он? Не хотелось в это верить: ведь Костя о еде всегда думает меньше всех, ему, если не напомнить, он и не оторвется от своих тектонических проблем, от своего молибденита. Но для чего все-таки он рассказывал мне вчера ту военную историю? Может быть, хотел оправдаться, узнать на всякий случай мое отношение к таким вещам? Но, откровенно говоря, мне очень не хотелось, чтобы владельцем пищевого контейнера оказался Костя и, наверно, именно поэтому тут же у меня появилась другая мысль.

А что, если Костя еще раньше меня нашел эту банку и все знал? Разве этого не могло быть? Почему не предположить, что он, как и я, решил все выяснить сам и пока ничего никому не говорить? А меня он тогда просто-напросто проверял, думал вызвать на откровенность, или хотел поделиться со мной своей находкой, хотел, чтобы я помогла ему разобраться во всем. А я тогда ничего не поняла и вела себя с ним, как дурочка. Может быть, он

и с другими беседовал подобным же образом, и тоже ничего ни от кого не добился. И еще я подумала, что совсем ведь не знаю ни Костю, ни других ребят, и вообще не умею разбираться в людях.

Почему, Мариша, вообще так получается? Вот работаем мы все вместе, живем вместе, терпим горести и лишения, радуемся общим удачам и победам, а все-таки знаем друг друга плохо. Что у кого на душе, о чем кто мечтает, что переживает - ничего не знаем, и часто даже не интересуемся. Откуда у нас невнимание к своим же товарищам? Наверно, думаю я, оттого, что для нас дела часто бывают важнее, чем люди, которые их делают. Поэтому в вихре забот, когда все надо быстрее и быстрее, больше и больше, мы и не успеваем ни узнать своих товарищей, ни даже присмотреться к ним. Но человек ведь не какая-то там живопись, не портрет в картинной галерее - его надо разглядывать вблизи, а не на расстоянии.

Да, ладно, чего это я расфилософствовалась?

Пока прерываюсь, пойду отдыхать.

Продолжаю, Марина, тебе свое послание. Кажется, в той истории все начинает проясняться, только, увы, в очень неприятном для меня духе. Вот, послушай, что было дальше.

Вчера была моя очередь дежурить у костра (так уж у нас тут заведено - каждую ночь мы по очереди бодрствуем - мало ли что может случиться в этом чужом неприветливом мире).

Когда все ушли спать, я одела свитер, накинула на плечи штормовку и уселась поближе к огню. Огненные зайчики прыгали у моих ног, веселые и беззаботные. А мои мысли-заботы скреблись, как кошки, не давали покоя...

Ночь уже поднялась вверх на нашу мульду, тьма совсем сгустилась. Звезд не было видно, небо затянули облака. И вдруг мне показалось, что кто-то стоит у меня за спиной. Я быстро обернулась - никого. Через некоторое время мне снова почудилось: я не одна. Что такое? Встала, отошла немного от костра, чтобы отвыкнуть от света (после огня глаза ничего в темноте не различали).

И тут неожиданно другой яркий и сильный свет ослепил меня, я отскочила в сторону. Луч фонаря снова нашел мое лицо, медленно ощупал грудь, живот, ноги. Наконец он оставил меня в покое, пробежал по темным пятнам палаток, соскользнул вниз, уперся в траву и погас. Я узнала Б. М. "Ну, и шуточки, - подумала я, - кретин какой-то!" Вернулась к костру. Он подсел ко мне.

- Валечка, не обижайтесь, - сказал он, - не спится что-то, можно, я посижу тут возле вас?

Б. М. придвинулся поближе, мне показалось, что от него пахло чем-то, может быть, алкогольным. Мы все знали, что у геохимика была фляга, он даже ребятам предлагал как-то хлебнуть, но как это можно: ни с того ни с сего, да еще на голодный желудок! Я отодвинулась от него.

И вдруг он крепко, всем телом прижался ко мне, обхватил руками за талию. Я услышала его горячий сдавленный шепот:

- Валечка, мне так тоскливо, так одиноко, а вы добрая, красивая. Вы так мне нравитесь. Давайте дружить, а? Может быть, хотите, я угощу вас кое-чем вкусненьким. Из личных, так сказать, запасов. А?

У меня потемнело в глазах. Негодяй! Я вырвалась, резко, что было силы, оттолкнула его от себя и вскочила на ноги. Он, видно, испугался, что я закричу, потому что отшатнулся от меня, потом медленно поднялся, попятился назад, повернулся и ушел.

Я сидела у костра и почти-что плакала. Мне виделись его длинные змеиные пальцы и толстая шея с вздувшимися жилами. В три часа ночи меня сменил Леха. Я ему ничего не сказала.

Как жаль, Маришенька, что тебя нет со мною рядом, ты ведь у нас такая рассудительная, такая умница. А я слабохарактерная нюня. Вот уже скоро 12 часов дня, а я до сих пор ничего никому не рассказала, все хочу собраться с мыслями и хоть как-то оценить все, что произошло. Сажу в своей палатке, плачу, настукиваю тебе письмо (это помогает мне немного сосредоточиться и постараться взглянуть на все как бы со стороны). Утром собиралась поговорить с Костей, но он все время куда-то исчезает, избегает меня, что ли? Эдик слишком много шутит, и, кроме того, возле него все утро торчит Леха. А «этот» до сих пор из палатки не вылезал. Боится. О, как я его ненавижу! Куда смотрели космодромные персонолитики, когда принимали его на работу? Я не знаю, какие там есть статьи в Галактическом кодексе чести, но ведь за такое должны судить. Правда?

Здравствуй, Маришечка! У нас тут случилось Событие, на высокую планку поднявшее наш совсем уж упавший было дух. Вернее, тело, усохшее и посиневшее от постоянного недоедания. Перелом в наш тусклый голодный быт внес Леша, пришедший вчера из леса с поникшей головой, мрачный и расстроенный.

«Что такое? Что случилось?» - кинулись мы к нему.

- Не хотел я этого, - забормотал Леша, глядя вниз себе под ноги, - не хотел я этого. Случайно так получились. Прилетим на Землю, подам рапорт, пускай накажут.

- Объясни толком, что произошло, - пристала я. - За что ты так винишь себя, что такое ты сделал?

- Это тут недалеко случилось, - сказал он, с трудом сдерживая трясущиеся губы. - Я стоял на полянке, когда почувствовал: кто-то за мной следит. Посмотрел по сторонам - никого. Направился было обратно к нашему лагерю, но снова ощутил сзади чей-то взгляд. Снова повернулся. Потом взгляделся - в кустах кто-то стоит. Еще внимательнее посмотрел - тот самый, из тех, кого мы вначале, помните, за местных медведей принимали. Чудной он какой-то - ни глаз у него нет, ни рта. И где голова - не поймешь. Только щупальцы из тела вылезают, шевелятся, удлиняются. Что

он замыслил, чего хочет? Страшно. Я хотел было побежать, а он, мне показалось, за мной двинулся. Тут я и не выдержал – нажал кнопку огнестрела. Что мне теперь за это будет?

- Конечно, ты нарушил 5-ую статью Экологического кодекса, - ответил Костя. – За это ты должен был бы ответить перед всем Космическим сообществом. Но... – Костя улыбнулся. – Наш маленький робинзонкрузовский коллектив тебя прощает. Тем более, в Экокодексе к той статье есть приписка: в случае самообороны... можно. Посему, друзья, - он оглядел всех нас веселым взглядом, - давайте Леху объявим сегодня Героем Дня.

Ох, и началась у нас с этого Лешиного дня житуха! Рай, да и только. Накопили мы мяса впрок, закопали в песок и едим теперь от пуза, аж щеки трещат – вкуснотища!

Мои недавние переживания, которыми я делилась с тобой, по поводу той пищевой банки, кажутся теперь совершеннейшим пустяком. Если хочешь, доскажу тебе ту историю, и ты поймешь, какая дуреха твоя подружка. Совсем я тогда с голодухи обалдела.

Так вот, как все закончилось. На следующий день, после нервотрепки, связанной с Б. М., я, наконец, решила поставить точку над "и". Взялась за Эдика. Под предлогом показать ему ягоды, которые, якобы, нашла и сомневалась в их съедобности, я потащила его на травянистую низинку, где лежала банка.

- Смотри, что я нашла!

Эд безразлично посмотрел на банку, повертел ее в руках, а потом, сильно размахнувшись, запустил ее по дуге.

- Ты что же, ничего не понял? - обиделась я, - ведь банка новая, даже не поржавела, ее совсем недавно кто-то опорожнил. И я даже теперь знаю, кто это. Я никому ничего не говорила, не хотела ссор...

Эдик посмотрел на меня с удивлением, потом губы его поползли к ушам, он схватился за живот и дико захохотал.

- Ну, Валена, уморила ты меня! Ну и Шерлок-Холмс, ну и сестра милосердия. Во дает! Это же Лешка, комик, на днях кухарничал, бросил банку в ведро: "для мясного духу, - говорит, - ножом все ведь не выковырнули". Костя его потом ругал, что получилось наоборот - банка жиром от шишкиного бульона покрылась, продукт, мол, зря израсходовал. Поэтому она и не поржавела, лежала, как новенькая.

Я смущенно промолчала, ничего Эду не ответила. Вот такая я оказалась глупая.

Маринка! Спешу с еще одним тебе письмом, потому что не знаю, что будет дальше. И не последнее ли оно? Уж, прости за нытье, но настроение, на самом деле, очень паршивое. Позавчера ночью мы все проснулись от страшного взрыва-грохота, пошатнувшего наши палатки. Это в горах,

окружающих мульд, где мы заперты, прогремел мощный камнепад. Наутро ребята установили геофизические датчики и прозвонили верхний слой горных пород. Увы, результат оказался тревожный – замеры показали: случилось то, чего мы все это время со страхом ждали и с чем для нас полный финиш.

Да, да, глубинные силы этой проклятой планеты снова ожили. В тот раз они нас отрезали от внешнего мира, а теперь новые тектонические подвижки могут закончиться катастрофой – камнепад засыпит всю нашу мулду от края до края. Весь ужас в том, что спастись нам негде, вокруг пропасти и провалы, бежать совершенно некуда...

Вчера утром мы собрались у костра, чтобы подумать всем вместе, что делать.

- Дело обстоит очень плохо, - сказал Костя, - просто дрянь дело. Опасность подступила совсем близко. По моим прикидочным расчетам, осыпь может произойти со дня на день. Запаса времени у нас совсем нет никакого. Надо что-то предпринимать. Вот у Борис Михалыча есть идея. Рассказывайте, Борис Михалыч.

Б.М. задумчиво помолчал немного, потом встал с бревна, на котором сидел, сделал несколько шагов, остановился и сказал:

- Мы с Костей уже обсуждали этот вариант. Значит, так. Кто-то из нас должен добраться до Базы, взять вездеход, прилететь сюда и спасти всех остальных.

- Что за чушь? – удивился Эдик. – Для того, чтобы до базы добраться, надо отсюда выбраться. А это невозможно.

- Вот в том то и дело, что можно попытаться, - ответил Б.М. Было заметно, что он покраснел и на щеках заиграли желваки.

- Как?

- А вот так. Из палаток шьем парашютный купол, из всего, что есть длинного, вяжем стропы. Одного человека такой парашют должен выдержать. С восточной стороны, я обследовал, есть не такой уж глубокий обрыв – всего метров 150. Можно попробовать спуститься вниз.

- Я самая легкая из всех, - тут же предложила я, - мне и прыгать.

Б.М. посмотрел на меня долгим изучающим взглядом, затем повернулся к Косте и сказал:

- Мне кажется, Валя для этой цели не совсем подходит. Нужно же ведь добраться до Базы, а неизвестно, сохранилась ли дорога, по которой мы шли сюда. Может быть, и ее завалило камнепадом, кто знает. Кроме того, Валечка, - он обернулся снова ко мне: - Вы же не очень-то владеете и вездеходом. Его же нужно завести, поднять в воздух и долететь сюда. Это не очень-то просто.

Б.М. снова сел на свое место и добавил с усмешкой:

- А вообще-то, инициатива наказуема – я придумал этот парашют, мне и лететь. Кого-нибудь другого посылать не стоит.

- Ну, отчего же, - заметил Эдик (правда, без особого энтузиазма в голосе),
- почему я не могу? Везде летать знаю, летал на нем.

Леша тоже подался вперед, хотел было что-то сказать, но Костя его не стал слушать.

- Все, - сказал он твердым голосом, - принимаем решение: лететь, действительно, лучше всего Борис Михалычу. Он бывалый человек, хорошо ориентируется в сложных условиях и технику знает. Так, что, давайте-ка братья за дело. – Он повернулся ко мне и Эду: - Валена, организуй иглы и нитки. А ты, Эдик, ищи веревки и вяжи с Лешей стропы. Мы же с Борис Михалычем разрежем палатки и скроем купол.

Весь оставшийся световой день мы шили, клепали, склеивали, вязали, привязывали. Потом взявшись за стропы, дергали их со всех сил - проверяли прочность. Ночью спали плохо, без палаток, в одежде, грелись друг об друга, прислушивались к шумам дальних камнепадов.

Утром все собрались у восточного обрыва, хмурые, озабоченные, встревоженные. Б.М. держался хорошо, только в глазах у него была грусть и тоска. Он одел на себя ремень, соединявший концы строп, Костя приладил ему к спине рюкзак с провизией и огнестрелом.

«Вот, оказывается, какой храбрый и самоотверженный человек, - промелькнуло у меня в голове, - а я-то, дура, так плохо тогда о нем подумала».

Б.М. улыбнулся нам, махнул прощально рукой и шагнул к самому краю обрыва.

- Ну, давай, Михалыч, не тушуйся, - сказал ему Костя. – Все будет нормально, я уверен.

Они с ребятами подняли с земли купол парашюта, отошли в сторону, затем, раскатав его руками, сильно выбросили вперед. Купол отлетел от края обрыва, расправился и рванул за собой Б.М. Тот прыгнул вниз, повис на стропе и довольно быстро полетел вниз.

- Ура! – воскликнула я. – Все получилось.

- Теперь самое главное, чтобы он не разбился при посадке, - заметил Костя. - Что-то парусность мне не нравится – слишком быстро он стал опускаться.

- Или, чтобы не зацепился за какой-нибудь выступ скалы, - добавил Эдик. – А то и приземляться ему уже будет не надо.

Леша, стоявший на соседнем пригорке, с которого только и можно было какое-то время видеть Б.М., крикнул громко:

- Пока что все в порядке – он летит вниз, дергает за стропы, регулирует наклон купола. Но вот уже почти его не видно, скрылся за углом.

Мы молча разошлись кто куда, каждый по своим делам. Настроение было припаршивейшее. Удастся ли Б.М. благополучно приземлиться на этом самодельном парашюте? Доберется ли он до Базы? Вернется ли сюда за нами? Вопросы, вопросы,...

Мариша! Пишу, наверно, в последний раз. Не знаю, что с нами будет через день, через час, а, может быть, через минуту. Кажется, недра этой проклятой планеты ожили окончательно. Беспрерывно грохочут вокруг обвалы, земля под ногами трясется. Страх и ужас не отпускает меня ни на секунду. От Б.М. никаких известий – может быть, он не дошел до Базы?

Ну, вот, кажется, все... Все, все. Больше ничего делать не могу, надо бежать. Ой, что тут творится! Ужас! Может быть, вернусь к тебе потом снова...

Нет, этого «потом» для нее уже никогда не было. "Потом" было только у ее письма – попав в руки газетчиков, оно получило широкую огласку. По нему были написаны пьесы и сценарии, поставлены спектакли в театрах и сняты кинофильмы.

А на той планете у подножья крутого горного обрыва археологи откопали останки человека, обернутого в истлевшие куски палаточной ткани. И больше ничего.

Science Fiction

THE SPACE BEACON

WE WILL COME BACK HERE

THE OLD PHOTO

THE PARALEL WORLD

THE FALLING STAR

GLOBOS

THE ANTS

THE DEATH OF THE SHAHEED

THE LETTER FROM ANOTHER PLANET